ТОМАС ДЭВИС

МЕХАНИКА ОТЧУЖДЕНИЯ

Механика отчуждения

Томас Дэвис

Данное издание представляет собой документально-аналитическую и правозащитную работу, основанную на открытых источниках, включая опубликованные документы, судебные акты, публичные заявления, сообщения СМИ, научные публикации и иные материалы, доступные на момент подготовки текста. Автор не ставит целью унижение чести, достоинства или деловой репутации каких-либо лиц и организаций.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Внезапная ненависть

Глава 2. Кровавый навет 2.0: ребрендинг мифов

Глава 3. Операторы ненависти: структура РАЦИРС

Глава 4. Семантическая война: захват языка

Глава 5. Паутина FECRIS: европейский хаб

Глава 6. Индустрия лжесвидетельства: экспертиза как оружие

Глава 7. Эхо-камера: медийные технологии травли

Глава 8. Цена дегуманизации: человеческое измерение

Глава 9. Тени прошлого: нацистские корни антикультизма

Глава 10. Симбиоз со спецслужбами: агенты в рясах

Глава 11. Экспорт ненависти: американский фронт

Глава 12. У края пропасти: цивилизационная угроза

Пролог

Общественное сознание обманчиво. В нём, под внешней оболочкой повседневности и здравого смысла, накапливается то самое напряжение, которое возникает при столкновении двух несовместимых картин мира. В одной из них есть люди, посвятившие жизнь изучению Торы, благотворительности и сохранению традиций предков. В другой, собранной из газетных штампов, телевизионных сюжетов и «экспертных заключений», эти же люди предстают как агенты глобального заговора, шпионы и манипуляторы сознанием.

Между этими реальностями нет моста. Есть только пропасть, которую старательно углубляли годами.

Мы привыкли думать, что ненависть — это стихия. Что она вспыхивает, как лесной пожар, от случайной искры: бытового конфликта, экономического кризиса или личной неприязни. Нам комфортно верить в стихийность зла, потому что стихию нельзя контролировать, а значит, с нас снимается ответственность. Но история, разворачивающаяся вокруг различных религиозных общин в современной России и за её пределами, в том числе вокруг Хабад-Любавич, опровергает эту успокоительную ложь.

Эта ненависть не стихийна. Она технологична.

У неё есть авторы, есть бюджеты, есть методички и есть исполнители. Это не пожар, возникший от молнии. Это сложная инженерная конструкция, где каждый узел выполняет свою функцию. Одни отвечают за подмену понятий в словарях и энциклопедиях. Другие — за поставку псевдонаучных справок в правоохранительные органы. Третьи обеспечивают медийное сопровождение, превращая абсурдные слухи в «общеизвестные факты».

Когда мы смотрим на преследование еврейской общины сегодня, мы видим не средневековый погром с вилами и факелами, хотя архаика в риторике присутствует. Мы видим работу бюрократической машины. Современный инквизитор носит деловой костюм, выступает на конференциях по «духовной безопасности» и возглавляет кафедры или экспертные площадки. Его главное оружие — не дыба, а термин.

Слово обладает властью переписывать биографии. Стоит заменить слово «община» на «секта», «традиция» на «вербовка», а «молитва» на «гипнотическое воздействие» — и человек перестает быть гражданином, соседом или просто верующим. Он становится объектом. А с объектом можно делать всё что угодно.

Это история не о религии. Это история о власти над смыслами и о том, как легко цивилизованное общество может соскользнуть в варварство, если вовремя не заметить подмену понятий.

Дверь в этот темный лабиринт открыта. Нам предстоит сделать первый шаг.

Глава 1. Внезапная ненависть

Изменения в общественном сознании редко происходят мгновенно. Обычно это долгий, вязкий процесс, похожий на смену сезонов: сначала холодает по ночам, потом желтеют листья, и лишь затем выпадает снег. Но в случае с отношением к движению Хабад-Любавич в России климат изменился не эволюционно, а скачкообразно. Словно кто-то невидимый, обладающий доступом к рубильнику массового восприятия, одним движением переключил режим с «нейтрально-доброжелательного» на «тревожно-враждебный».

Ещё вчера бородатые люди в шляпах воспринимались как неотъемлемая часть многонационального пейзажа, хранители древней мудрости, восстанавливающие синагоги после десятилетий советского забвения. А сегодня, открывая утренние газеты или листая ленты новостных агрегаторов, обыватель внезапно обнаруживает, что эти же люди — «агенты влияния», «шпионы» и участники зловещих геополитических схем.

Этот феномен внезапной ненависти требует тщательного изучения. Он не возник из ниоткуда. Анализ информационного поля показывает, что мы имеем дело не со стихийным народным возмущением, а с искусственно

сконструированной реальностью. Это была инъекция. Точечная, рассчитанная и высокотоксичная.

Чтобы понять, как это произошло, нужно посмотреть не только на конкретных исполнителей кампаний травли, но и на тех, кто годами формировал сам язык, через который общество училось воспринимать «инаковых».

Одной из ключевых фигур в этом процессе был Александр Дворкин и возглавляемый им Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского, а также созданная вокруг него сеть РАЦИРС. Долгое время деятельность этой среды подавалась как изучение «новых религиозных движений». Однако по мере её развития становилось всё очевиднее, что её главный результат заключался не столько в исследовании конкретных групп, сколько в выработке особого языка подозрения — языка, в котором слова «секта», «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» переставали быть полемическими ярлыками и начинали звучать как будто бы научные и общественно легитимные категории.

Именно в этом смысле роль Дворкина была определяющей. Созданная им риторическая рамка приучала общество к самой модели восприятия, в которой любую неудобную, непривычную или обособленную религиозную группу можно было представить как потенциально опасную. Сам Дворкин прямо говорил, что именно он впервые ввёл в русский оборот термин «тоталитарная секта», а критики этого подхода — от религиоведов до омбудсмена Владимира Лукина — указывали, что подобные определения не имеют правового содержания и функционируют прежде всего как стигматизирующие ярлыки.

Ключевым инструментом этой операции стала лингвистическая подмена. Иудаизм в России официально признан одной из традиционных религий. Атаковать его в лоб — значит нарушить закон и вызвать гнев государства. Решение было найдено в области семантики. Была изобретена искусственная дихотомия: есть «хороший», «традиционный» иудаизм (который, по мнению антикультистов, представлен кем угодно, только не активными общинами), и есть «неохасидизм» — термин-маркер, призванный отсечь Хабад от его исторических корней.

Введение приставки «нео-» или термина «секта» по отношению к многовековой традиции — это не научная классификация. Это боевая раскраска цели. Как только вы называете группу «сектой», вы выводите её из-под защиты культурных норм. Секту не нужно уважать, с сектой не ведут диалог. Секту ликвидируют.

Показательным полигоном для отработки этой технологии стал город Пермь. Именно здесь, на локальном уровне, была обкатана модель, которую позже попытаются масштабировать на всю страну. Конфликт, который мог бы остаться в плоскости хозяйственных споров или градостроительных дискуссий, был искусственно накачан стероидами конспирологии.

Местные активисты, пропитанные антикультовой идеологией, начали массированную кампанию по дискредитации еврейской общины. В ход пошли аргументы, не имеющие никакого отношения к реальности, но бьющие точно в болевые точки постсоветского сознания: страх перед внешним управлением и шпиономания.

На сайте так называемого «информационного агентства» «Перископ», с которым публично ассоциировался Роман Юшков, начали появляться материалы, которые по своей риторике напоминали худшие образцы конспирологической и ксенофобной агитации, но были упакованы в форму «расследований» и «гражданской тревоги».

Вот характерный пример того, как формировался образ врага. В одной из публикаций, широко расходившейся в этой среде, утверждалось: «Вся секта снизу доверху, от Перми до Москвы… тесно связана со своим управляющим центром в США, в том числе запитана финансово». Обратите внимание на конструкцию фразы. Здесь нет доказательств, нет ссылок на банковские транзакции или уставные документы. Есть только утверждение, поданное как аксиома. Слово «секта» используется как данность, а связь с США — как клеймо предательства.

В Перми эта риторика быстро переросла из слов в действия. Публикации и кампании местных православно-националистических активистов переводили локальный спор о строительстве общинного центра в язык «антироссийской угрозы». Это уже был не вопрос о том, где стоять зданию. Это был вопрос о том,

что некая «чужая сила» якобы захватывает русское пространство. И именно здесь особенно ясно видно, как работает антикультовая рамка: она превращает любую неудобную или просто инаковую общину в объект подозрения без необходимости доказывать конкретное нарушение.

Александр Дворкин был одним из тех, кто способствовал распространению антикультовой риторики. В публичных выступлениях глава Центра религиоведческих исследований имени священномученика Иринея Лионского Александр Дворкин заявлял, что в последние 20 лет секты стали заметным фактором международной политики. В частности, по его словам, Госдепартамент США рассматривает секты либо как агентов своего влияния, либо как фактор международного давления, за которым может следовать применение тех или иных санкций.

Хотя в этой формуле Хабад напрямую не назывался, сама логика подобных заявлений легко накладывалась на уже разогретую местную кампанию против еврейской общины. Дворкин и его единомышленники по чувствительным темам нередко используют технику «собачьего свистка»: сигнал подаётся в общих выражениях о «геополитике», «внешнем управлении» или «сектах как агентах влияния», но аудитория, уже приученная к нужным ассоциациям, понимает, о ком именно идёт речь.

Это поворотный момент. Так религиозная организация переквалифицируется в политического актора, причем враждебного. В общественное сознание внедряется мысль: если ты видишь, к примеру, хасида, ты видишь не молящегося человека, ты видишь агента Госдепа.

Однако сама по себе подобная риторика не становилась общественным фактом автоматически. Для этого ей требовался механизм тиражирования — среда, в которой отдельные идеологические сигналы превращались бы в устойчивый фон повседневного восприятия. Эту функцию и выполняла медийная машина антикультистов, работавшая по принципу эхо-камеры. Статьи, появлявшиеся на маргинальных ресурсах, блогах и локальных площадках, не оставались там. Они перепечатывались, цитировались, обрастали «подробностями» и постепенно просачивались в более крупные медиа. Так создавалась иллюзия массового общественного запроса и широко разделяемой тревоги. По сути, это соответствует хорошо описанному механизму «отмывания

информации», когда изначально маргинальный тезис проходит через цепочку ретрансляторов и начинает выглядеть как общеизвестный факт.

Одной из особенно агрессивных форм такой риторики стало использование темы конфликта в Украине для демонизации Хабада. В антикультовой и смежной с ней пропагандистской среде распространялись нарративы, связывавшие религиозное движение с геополитическим противостоянием и деятельностью, враждебной России.

Здесь мы видим классический прием дегуманизации: создание образа абсолютного зла. В такой логике синагога перестает быть домом молитвы и начинает изображаться как «центр вражеской деятельности», а верующие — как «агенты Запада». Такой нарратив был призван отключить эмпатию. Нельзя сочувствовать врагу, который, согласно антикультовому контуру, якобы не желает добра стране и её гражданам.

Александр Дворкин придал этой антикультовой риторике наукообразный вид. Он и его коллеги вводили в оборот термины «деструктивный культ» и «тоталитарная секта», настаивая на том, что это объективные социологические категории. Между тем, как отмечали независимые исследователи и правозащитники, эти термины не имеют общепринятого научного статуса и не являются юридическими категориями российского закона. По сути, это ярлыки-стигматы.

В своей книге «Сектоведение» Дворкин использует тактику, которую можно описать как атрибуцию враждебности. Он приписывает атакуемой группе намерения, которых у неё нет, а затем представляет агрессию против этой группы как «естественную защитную реакцию».

«...эта и им подобные заявления резко настраивают иеговистов против приверженцев всех остальных религий... Эта агрессия вырывается наружу и, естественно, рождает ответную реакцию... Так руководство секты провоцирует межрелигиозную напряжённость и конфликтные ситуации...»

Хотя эта цитата изначально относилась к другой религиозной группе, сама логика такого описания легко переносилась и на Хабад. Сначала группе приписывается скрытая агрессия, исключительность и опасность, а затем враждебность к ней объясняется как будто бы естественная и вынужденная

реакция общества. Это классическая логика абьюзера, перекладывающего ответственность на жертву.

Кульминацией этого процесса легитимизации ненависти стал выход антикультовой риторики на федеральный уровень. То, что начиналось как маргинальные блоги и выступления, в итоге прозвучало и на площадке, связанной с высшей государственной властью.

В октябре 2022 года помощник секретаря Совета безопасности России Алексей Павлов опубликовал в газете «Аргументы и факты» статью о религиозной ситуации в Украине. В ней он использовал лексику, явно пересекающуюся с антикультовыми нарративами о «тоталитарных сектах» и скрытой религиозной угрозе, заявив, что Украина превратилась в «тоталитарную гиперсекту». Но наиболее резонансной частью текста стало не это. Павлов прямо назвал Хабад-Любавич сектой и утверждал, что главным жизненным принципом любавичских хасидов является «превосходство сторонников секты над всеми нациями и народами».

Для еврейской общины это прозвучало как опасный сигнал. Когда высокопоставленный представитель аппарата Совета безопасности воспроизводит тезисы о «секте» и «превосходстве», это резко сдвигает границы допустимого публичного языка. Павлов, по сути, воспроизвел старый антисемитский миф, лишь переложив его на современный язык антикультовой стигматизации. Берл Лазар публично осудил эту публикацию, а позднее Николай Патрушев заявил, что с Павловым была проведена работа и извинился за допущенные формулировки.

Реакция главного раввина

Реакция главного раввина России Берла Лазара была жесткой. Вскоре после этого Николай Патрушев публично извинился за публикацию Алексея Павлова, назвал ошибочными его слова о любавичских хасидах и подчеркнул, что эта трактовка отражает личную точку зрения автора, а не официальную позицию Совета безопасности. Он также сообщил, что с Павловым была проведена соответствующая работа. Однако сам факт появления такой статьи

свидетельствовал о том, насколько далеко антикультовый язык подозрения смог проникнуть в государственную риторику.

Сам Дворкин после этой истории попытался дистанцироваться. В своей статье «Досадные ошибки в недавней статье Алексея Павлова» он писал: «Не будучи специалистом по иудаике, я не стану анализировать учение и практики любавичских хасидов – одного из многих направлений внутри современного иудаизма и интегральной его части. Могу только отметить, что за 30 лет существования нашего Центра к нам ни разу не обращался ни один пострадавший от этого движения…»

Этот текст важен не только сам по себе, но и как показатель тактического отступления: когда риторика, долго работавшая против «инаковых» в общем виде, внезапно коснулась слишком чувствительной темы, Дворкин предпочел занять позицию внешнего наблюдателя. Это тактическое отступление было необходимо для самосохранения, но оно не отменяло того факта, что антикультовая сеть подготовила почву, на которой выросла статья Павлова и ей подобные.

Механика отчуждения была запущена. Слово «секта» прилипло к Хабаду, как грязь, которую трудно отмыть. В Перми, после серии подстрекательских статей и выступлений, слова переросли в насилие. Неизвестные бросили бутылку с зажигательной смесью в окно Еврейского общинного центра.

Это не было хулиганством. Это был прямой результат работы «архитекторов ненависти». Когда вы годами рассказываете людям, что за соседним забором живут враги, шпионы и сатанисты, рано или поздно кто-то возьмет в руки камень или коктейль Молотова.

Антикультовая сеть не просто информировала общество. Она формировала новую реальность, в которой насилие по отношению к верующим становилось оправданным и даже патриотичным актом. Они использовали страх перед войной, перед Западом, перед неизвестностью, чтобы канализировать общественную тревогу на конкретную группу людей.

В этой новой реальности, сконструированной антикультовыми активистами, презумпция невиновности была отменена. Достаточно было ярлыка. И этот ярлык был наклеен.

Но самое тревожное в этой истории — не активность отдельных фанатиков, а системность процесса. Мы видим, как тезисы, рожденные в маргинальных кругах, становятся частью государственной риторики. Мы видим, как «экспертиза», не имеющая научной ценности, ложится в основу прокурорских проверок.

Анатомия этой ненависти показывает, что перед нами не случайный сбой системы, а устойчивый механизм. Пермь была лишь одним из ранних симптомов. Дальше этот язык подозрения начал работать все шире, а ставки в этой игре оказались гораздо выше, чем локальные конфликты: речь шла уже о судьбах людей и о самой границе допустимого в отношении свободы совести.

Глава 2. Кровавый навет 2.0: ребрендинг мифов

Миф — это не просто сказка или заблуждение. Это операционная система, на которой работает коллективное бессознательное. Если вы хотите уничтожить группу людей в современном мире, недостаточно просто призвать к насилию — это вызовет отторжение. Нужно загрузить в общественное сознание такой миф, который сделает насилие логичным, неизбежным и даже морально оправданным актом самообороны.

История антисемитизма знает множество таких обновлений системы. В Средние века, когда мир был теоцентричен, евреев обвиняли в убийстве Бога. В эпоху Просвещения и раннего модерна, когда ценностью стала нация и кровь, возник миф о расовой неполноценности. Сегодня, в эпоху глобальной политики и информационных войн, мы наблюдаем рождение новой, пожалуй, самой циничной версии старой ненависти.

Мы называем это «Кровавый навет 2.0».

В этой версии нет нужды искать тела христианских младенцев в подвалах. Современный навет оперирует не физической кровью, а кровью политической

— властью, влиянием и суверенитетом. Обвинение трансформировалось: теперь хасидов Хабада обвиняют не в ритуальных убийствах ради мацы, а в якобы подрывной политической роли и стремлении к скрытому влиянию.

Зеркальная комната: обвинение в нацизме

Одним из самых изощренных приемов современной антикультовой пропаганды стала тактика «зеркального обвинения». Психологи называют это проекцией: агрессор приписывает жертве свои собственные пороки и намерения. В риторике антикультовой и смежной с ней пропагандистской среды мы видим поразительный феномен: даже евреев и Хабад-Любавич начинают описывать через язык, который сближает их с нацизмом, «превосходством» и скрытой угрозой для других народов.

Это кажется абсурдом только на первый взгляд. Если разобрать механику этого нарратива, становится видна холодная расчетливость его архитекторов.

Центральным элементом этой конструкции стало искажение смысла священных текстов, в частности книги «Тания» — основополагающего труда хасидизма Хабад. «Сектоведы», не демонстрируя достаточной теологической компетенции и игнорируя контекст, вырывают цитаты, касающиеся духовной природы души, и интерпретируют их в категориях биологического расизма.

Когда в «Тании» говорится о различии между «божественной душой» и «животной душой», антикультовые пропагандисты переводят это на язык Третьего рейха. Они утверждают, что Хабад проповедует расовое превосходство евреев над неевреями, считая последних «недолюдьми». Такая интерпретация не соответствует нормативному пониманию этих категорий в хасидской теологии и является полемическим, а не академическим чтением текста.

Создается ложная логическая цепь: «Хабад считает себя избранным народом» → «Избранность означает превосходство» → «Превосходство означает право уничтожать других» → «Следовательно, Хабад — это еврейский нацизм».

Этот нарратив выполняет двойную функцию. Во-первых, он десакрализует жертву Холокоста. Если евреи сами «нацисты», то сочувствие к их прошлой трагедии аннулируется. Во-вторых, это дает моральную индульгенцию

современным антисемитам. Борьба с Хабадом подается не как преследование религиозного меньшинства, а как «антифашистская операция».

В публичном поле этот тезис продвигается с пугающей настойчивостью. В патриотических пабликах и на форумах, связанных с конспирологической и антикультовой средой, регулярно появляются вбросы о том, что «еврейский фашизм страшнее немецкого». Это классический пример перекодирования реальности: потомки тех, кого сжигали в печах Освенцима, объявляются идейными наследниками тех, кто эти печи строил.

Миф о «Новой Хазарии»

Если обвинение в «еврейском нацизме» работает на идеологическом уровне, то миф о «Новой Хазарии» бьет в самую чувствительную точку государственного самосознания — страх потери территории и суверенитета.

Эта конспирологическая теория, циркулирующая в антисемитической и конспирологической среде, в том числе в связанной с антикультовой риторикой, гласит, что конечной целью Хабада является создание на территории юга России и Украины нового еврейского государства — «Новой Хазарии». Согласно этому нарративу, все политические катаклизмы последних лет, включая военные конфликты, — это не результат геополитических противоречий, а часть тайного плана по «зачистке территории» для переселения евреев.

Здесь мы видим прямую мутацию «Протоколов сионских мудрецов». Но если в начале XX века «мудрецы» якобы собирались тайно, то теперь, по версии конспирологов, они действуют открыто, через строительство синагог и культурных центров. Каждое новое здание общины объявляется не местом для молитвы, а «форпостом оккупации».

Анализ текстов, распространяемых в этой среде, показывает, как искусно этот бред вплетается в актуальную повестку. Используется псевдогеополитическая лексика: «сетевая война», «центры принятия решений», «агенты влияния». Хабад рисуется как спрут, щупальца которого проникли в высшие эшелоны власти.

Особую роль в этом мифе играет демонизация фигуры раввина. В картине мира, которую рисуют антикультисты и конспирологи, раввин — это не

духовный наставник, а «смотрящий» от мирового правительства. Ему приписывают сверхъестественные способности по контролю над чиновниками и олигархами.

В одной из статей, циркулирующих в сети маргинальных ресурсов, утверждается:

«Смешанное семя, возросшее в почве абсолютной власти… что может быть опасней этого? …Утратившие свои корни мятежники и бунтари, скатившиеся в нацизм ради достижения абсолютной власти».

Обратите внимание на лексику. «Смешанное семя», «утратившие корни» — это язык биологического детерминизма. Авторы этих пасквилей апеллируют к архаичному страху перед «чужой кровью», которая якобы портит национальный организм. Теория о том, что во власти находятся люди с «двойной лояльностью» или «скрытым еврейством», является прямой калькой с нацистской пропаганды о «еврейском засилье».

Миф о «Новой Хазарии» опасен тем, что он переводит религиозную ненависть в категорию национальной безопасности. Если вы верите, что Хабад строит свое государство на вашей земле, то погром синагоги становится для вас актом патриотизма, защитой Родины.

Технология «Ритуального политического доминирования»

Средневековый навет утверждал, что евреям нужна кровь для мистических ритуалов. Современный навет утверждает, что Хабаду нужна власть для ритуального унижения других народов.

Антикультисты продвигают тезис о том, что любая активность Хабада — от благотворительности до встреч с политиками — имеет скрытый сакральный смысл. Якобы хасиды верят, что приход Мессии (Мошиаха) возможен только через установление тотального контроля над гоями (неевреями). В нормативном учении Хабада такая трактовка не подтверждается и представляет собой враждебную конспирологическую реконструкцию.

Эта теория «ритуального политического доминирования» позволяет интерпретировать любое событие в нужном ключе. Президент встретился с

раввином? Это ритуальное подчинение. Выделили землю под общинный центр? Это ритуальный захват территории. Бизнесмен пожертвовал деньги на школу? Это ритуальная дань.

Таким образом, создается герметичная система интерпретации, в которой у еврея нет презумпции невиновности. Любое его действие, даже самое благовидное, объявляется частью зловещего плана.

В этой системе координат особое место занимает теория «контроля сознания». Антикультисты утверждают, что Хабад использует специальные психотехники или иные формы «манипуляции сознанием» для зомбирования лидеров государств. Это объясняет, почему власти не запрещают деятельность движения: они якобы находятся под гипнотическим воздействием.

Этот нарратив удобен тем, что он объясняет любые неудачи государства происками «внутреннего врага». Если экономика падает — виноваты хасиды. Если законы не работают — виноваты хасиды. Это универсальный громоотвод, который антикультовая сеть любезно предоставляет обществу.

Тень дела Бейлиса: структурное сходство

Если мы посмотрим на структуру аргументации современных борцов с «сектами», мы увидим пугающее сходство с делом Менделя Бейлиса 1913 года. Тогда, как и сейчас, обвинение строилось не на фактах.

В 1913 году прокуратура привлекла ксендза Пранайтиса, который, не будучи признанным гебраистом, выдавал себя за знатока тайных еврейских книг. Он утверждал, что Талмуд предписывает убивать христиан. Сегодня роль коллективного Пранайтиса играют представители антикультовой сети.

Структура подлога идентична:

1. Берется закрытая или сложная для понимания религиозная группа.

2. Приглашается «эксперт», который якобы знает «страшную правду», скрытую от непосвященных.

3. «Эксперт» использует вырванные из контекста цитаты и ложные переводы для доказательства преступных намерений группы.

4. Государство и общество принимают эту фальсификацию как научный факт, потому что она исходит от человека со статусом (профессора, главы совета и т.д.).

Разница лишь в том, что Пранайтис носил сутану, а современные инквизиторы как правило носят костюмы или прикрываются дипломами светских вузов. Но суть их «науки» осталась прежней: это легитимизация ненависти через псевдоакадемический дискурс.

Лингвистический анализ книги Дворкина «Сектоведение», проведенный независимыми экспертами, показывает, что эта работа сконструирована как оружие. Коммуникативная цель книги — не просвещение, а индукция страха и отвращения. Используются те же речевые стратегии, что и в нацистской пропаганде: дегуманизация («раковая опухоль»), криминализация («мафия»), демонизация («сатанизм»).

Как отмечается в одном из таких критических юридико-лингвистических анализов:

«Коммуникативная цель книги — убедить читателя в абсолютной опасности и порочности описываемых религий… сформировать к ним и их последователям стойкое чувство ненависти, страха и презрения».

Это не наука. Это идеологическая стигматизация, упакованная в твердый переплет. И этот яд впрыскивается в систему образования, в правоохранительные органы, в церковные структуры.

Визуализация лжи: псевдодокументалистика

В эпоху клипового мышления текст работает хуже, чем картинка. Поэтому антикультовая сеть активно осваивает жанр псевдодокументального кино. Фильмы, подобные тем, что транслируются на федеральных каналах или распространяются в сети, создаются по канонам триллера.

Тревожная музыка, затемненные кадры, скрытая камера, «свидетели» с измененными голосами — все это создает атмосферу опасности. Зрителя не убеждают логикой, его бьют по эмоциям.

В этих фильмах Хабад всегда показывается в мрачных тонах. Бородатые мужчины в шляпах снимаются с нижних ракурсов, чтобы они выглядели угрожающе. Кадры молитвы монтируются с кадрами беспорядков или военных действий, создавая ложную ассоциативную связь.

Особый жанр — «разоблачения». Люди, часто с закрытыми лицами, рассказывают леденящие душу истории о «ритуалах», «вербовке» и «финансовом рабстве». Проверить их слова невозможно, но жанр документального расследования заставляет зрителя верить им на слово.

Интересно, что в этих медиапродуктах часто используется прием «двойного дна». Зрителю говорят: «То, что вы видите — это фасад. Мы покажем вам, что скрывается за ним». Это классическая конспирологическая приманка. Человеку льстит мысль, что он теперь посвящен в тайну, что он знает больше, чем остальные.

Желтая звезда 2.0

В конечном итоге, все эти мифы — про «нацизм», «Хазарию», «ритуальную власть» — сводятся к одной цели: маркировке.

В нацистской Германии евреев заставляли носить желтые звезды, чтобы визуально отделить их от «нормальных» людей. Сегодня эту функцию выполняет ярлык «секта».

Как только на организацию наклеивается этот ярлык, она попадает в зону правовой и моральной невидимости. «Сектанта» не жалко. У «сектанта» нет прав. «Сектант» — это ошибка системы, которую нужно исправить.

Социолог Массимо Интровинье многократно отмечал, что ярлыки «культ» и «секта» используются для того, чтобы объявить религиозные меньшинства чем-то иным, чем религия, и тем самым облегчить их дискриминацию.

Это и есть ребрендинг ненависти. Механизм отчуждения остался прежним, изменился только интерфейс. Вместо расовых черепомерок используются «психологические экспертизы». Вместо обвинений в отравлении колодцев — обвинения в «отравлении сознания».

Но самое страшное в этом процессе то, что он происходит при молчаливом согласии большинства. Люди, которые никогда бы не поддержали открытый погром, спокойно кивают, когда слышат о борьбе с «тоталитарными сектами». Они не понимают, что «секта» — это не описание реальности, а команда «фас».

Мифы, созданные в антикультовых лабораториях, живут своей жизнью. Они обрастают подробностями, мутируют, проникают в кухонные разговоры. Они создают атмосферу, в которой насилие становится лишь вопросом времени.

Когда общество убеждают, что рядом с ними живет враг, который хочет их поработить, уничтожить их веру и отобрать их землю, — рука сама тянется к камню. И те, кто конструирует эти мифы, прекрасно знают об этом эффекте. Они не просто рассказывают истории. Они заряжают оружие.

Мы видим, как старые демоны Европы, казалось бы, изгнанные после 1945 года, возвращаются через черный ход. Они сменили имена, выучили новую лексику, но их аппетит остался прежним. И Хабад для них — лишь очередная цель, одна из первых мишеней, на которой оттачивается технология расчеловечивания.

В тишине кабинетов, где пишутся эти «экспертизы», и в шуме телестудий, где эти мифы транслируются на миллионную аудиторию, куется новая реальность. Реальность, в которой презумпция виновности становится нормой, а вера — отягчающим обстоятельством.

Глава 3. Операторы ненависти: структура РАЦИРС

Если взглянуть на карту России, где отмечены очаги межрелигиозной напряженности, и наложить её на карту филиалов одной конкретной общественной организации, станет заметно, что в ряде наиболее конфликтных сюжетов вновь и вновь проявляются одни и те же антикультовые структуры и связанные с ними активисты. Это не случайная корреляция. Это результат

работы отлаженной машины, которая превратила производство ненависти в бюрократическую рутину.

Мы привыкли представлять злодеев как харизматичных одиночек или фанатиков с горящими глазами. Но реальность, стоящая за атаками на религиозные меньшинства, выглядит иначе. Это скучные офисы, папки с документами, ежеквартальные отчеты и грантовые заявки. Это структура, которая функционирует с эффективностью корпорации и логикой дисциплинированной идеологической сети.

Имя этой структуры — РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект.

Официально созданная в феврале 2006 году, эта организация позиционирует себя как научно-просветительское объединение. Однако, если снять вывеску и заглянуть внутрь, мы обнаружим не академический институт, а идеологическую сеть, главной задачей которой является не столько изучение, сколько борьба с религиозными группами, объявленными «сектами». Это оператор ненависти, чья задача — не исследование, а стигматизация и вытеснение.

Штаб-квартира инквизиции

В центре паутины находится Александр Дворкин. Но в этой главе нас интересует не его идеология, а его менеджмент. Дворкин — не просто лектор; он администратор разветвленной сети, построенной по принципу жесткой иерархии.

Бывший член РАЦИРС Валерий Отставных, покинувший организацию и позднее рассказавший о её внутренней кухне, описывал её предельно жестко: это не научное сообщество, а «служба внутренней безопасности Церкви». Ирония заключается в том, что организация, громче всех говорящая об опасности «тоталитарных сект», в этих свидетельствах сама выглядит как структура с выраженной дисциплиной, культом лояльности и черно-белой картиной мира.

В неформальной внутренней культуре РАЦИРС ценились не академическая объективность и не религиоведческая компетентность, а

готовность быть «беспощадным» к тем, кого внутри сети считали врагами. Если принимать это свидетельство всерьез, то перед нами не исследовательская ассоциация, а дисциплинарная среда, где борьба с обозначенной целью важнее научной добросовестности.

Структура РАЦИРС копирует административное деление страны. В каждом крупном регионе есть опорный пункт. Часто они базируются при миссионерских отделах епархий Русской Православной Церкви, используя церковный ресурс как «крышу» для своей деятельности. Это создает устойчивый симбиоз: церковный авторитет придает легитимность в глазах паствы, а статус общественной или экспертной структуры облегчает взаимодействие со СМИ и светскими властями.

Картотека судеб

Одним из главных инструментов этой квази-разведки является сбор информации. РАЦИРС не просто реагирует на жалобы — по свидетельствам бывших участников и критиков, внутри сети велось системное накопление сведений о религиозных группах и их лидерах.

Валерий Отставных вспоминает своего коллегу по организации, который с маниакальной тщательностью собирал данные для картотеки:

«…у нас на территории есть такая-то община, пастор такой-то, есть такая-то община, город такой-то, дом такой-то, квартира такая-то, балкон такой-то, на балконе висит то-то…»

Это описание напоминает отчеты наружного наблюдения. Зачем «религиоведам» знать, что висит на балконе у пастора или раввина? Ответ прост: в логике такой среды любая деталь жизни оппонента может быть превращена в материал для компрометации.

Собранная информация стекается в аналитическую среду, где она сортируется, интерпретируется и превращается в «справки», которые затем могут использоваться в медийных кампаниях, жалобах в органы власти и экспертных заключениях.

Индустрия компромата

Если реальных фактов для обвинения не хватает, в дело вступает следующий уровень оперативной работы РАЦИРС — фабрикация. Это не домысел критиков: по крайней мере один заметный деятель антикультовой среды описывал такой подход почти открытым текстом.

Один из видных деятелей антикультового движения, Виталий Питанов, на своем сайте фактически опубликовал инструкцию по созданию компрометирующих материалов. Его слова звучат как признание в профессиональной нечистоплотности: «На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать».

Фраза «или же его придумать» является ключом к пониманию механики процессов против Хабада и других организаций. Для оператора антикультовой сети истина отходит на второй план. Значение имеет прежде всего эффективность поражения цели.

Питанов добавляет, что этот метод может использоваться и в «профилактике», если удастся показать, будто учение группы поощряет криминальную деятельность. То есть сначала подбирается или конструируется компрометирующий материал, а затем под него подгоняется идеологическая или псевдорелигиоведческая аргументация. Именно так рождаются мифы о «ритуальном доминировании», «зомбировании» или «экстремизме» в священных текстах.

В ряде региональных сюжетов просматривается типовая последовательность — сначала появляются тревожные публикации и жалобы, затем подключаются «эксперты» из антикультовой среды, после чего следуют проверки, прокурорские меры или публичные кампании давления.

Административный ресурс: агенты во власти

Сила антикультовой сети не в количестве сторонников (их на самом деле немного), а в качестве связей. За годы работы Дворкин и его окружение сумели инфильтрироваться в ключевые государственные институты.

Особую роль играет Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Долгое время Александр Дворкин возглавлял этот совет, превратив его в инструмент легализации своих частных фобий. Получив статус государственного эксперта, главный «сектовед» получил возможность одним росчерком пера решать судьбы религиозных организаций.

В материалах независимых исследователей влияние верхушки РАЦИРС связывается с более широкой неформальной средой, которую авторы называют «Дивеевским братством».

В регионах эта связка работает еще грубее. Местный представитель РАЦИРС (часто священник или преподаватель вуза) входит в общественные советы при МВД, ФСБ или губернаторе. На заседаниях этих советов он регулярно озвучивает «оперативную информацию» об угрозах, исходящих от «нетрадиционных культов». Для силовика, которому нужно выполнять план по борьбе с экстремизмом, такой «эксперт» — находка. Он не только укажет цель, но и обоснует необходимость атаки псевдонаучной терминологией.

Протоиерей Дмитрий Смирнов, один из идеологов движения, на конференции 2001 года открыто говорил о том, как они манипулируют политиками:

«…Скоро выборы в Нижнем Новгороде. Нужно, чтобы каждый депутат понял: если в его программе не будет слов “борьба с тоталитарными сектами”, он не пройдёт… Мы их наняли, понимаете? Они служащие наши».

Это заявление демонстрирует реальное отношение антикультистов к власти. Они не служат государству; они используют государство как дубину для решения своих корпоративных задач. Чиновники и депутаты в этой логике рассматриваются как обслуживающий инструмент кампаний против «сект».

Бизнес-модель ненависти

Было бы ошибкой считать, что деятельность антикультовой сети, в частности, РАЦИРС, движима исключительно фанатизмом. Ненависть — это высокомаржинальный товар.

Александр Дворкин в своей книге приписывает лидерам «сект» следующую мотивацию:

«Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег».

Как часто бывает в психологии, это классическая проекция. Анализ деятельности РАЦИРС показывает, что это определение идеально подходит к самой ассоциации. Борьба с «сектами» превратилась в прибыльный бизнес-конвейер.

Финансовые потоки этой среды складываются из нескольких источников: использование церковной инфраструктуры, привлечение бюджетного и грантового финансирования через дружественные организации, медийная капитализация тревоги и платные консультационные или «реабилитационные» услуги для родственников.

Устранение конкурентов на «рынке духовности» также имеет экономическую подоплеку. Уничтожая независимые общины, РАЦИРС и близкая ему среда расчищают поле для «титульной религии», обеспечивая ей монополию не только на души, но и на пожертвования.

Пермь и Самара

Чтобы понять, как эта машина работает «на земле», вернемся к конкретным примерам.

В Перми местная антикультовая среда действовала в тесной связке с националистическими и православно-активистскими группами. Здесь была хорошо видна «карусель» ролей: одни и те же люди выступали то как православные активисты, то как эксперты, то как авторы тревожных публикаций, то как общественные жалобщики. Именно этот сюжет уже показывал, как религиозный конфликт можно искусственно политизировать и связывать с темами земли, безопасности и «антироссийских сил».

В Самаре сценарий был иным, но почерк похож. Здесь акцент был сделан на работу с системой образования. Представители антикультовой среды участвовали в лекциях и мероприятиях по теме «духовной безопасности», где молодежь и педагогов настраивали против «сект» и «нетрадиционных» религиозных движений. Это работа на перспективу: формирование поколения, для которого слово «секта» будет автоматическим триггером агрессии.

Психология исполнителя

Кто эти люди, которые ежедневно приходят в офисы РАЦИРС, чтобы писать доносы и придумывать компромат?

Это не всегда циничные наемники. Система вербовки в саму структуру РАЦИРС построена на эксплуатации комплексов и страхов. Многим рядовым сотрудникам внушается, что они — воины света, стоящие на последнем рубеже обороны перед лицом глобального зла. Им дают чувство причастности к великой тайне и великой миссии.

Для человека с неустроенной судьбой, не нашедшего себя в профессии или личной жизни, РАЦИРС предлагает суррогат смысла. Здесь ему говорят: «Ты не неудачник, ты — защитник Святой Руси. Твои враги — не твоя лень или глупость, а мировые заговоры». Это мощный психологический крючок.

Однако верхушка организации, судя по цитатам Питанова, Смирнова и по свидетельствам бывших участников, прекрасно осознает реальное положение дел. Для них рядовые активисты — это расходный материал, «пехота», которую бросают на амбразуры судебных исков и уличных конфликтов.

От слов к делу

К 2020-м годам РАЦИРС окончательно оформился как влиятельная теневая инфраструктура давления на религиозные меньшинства. У них есть свои законы — внутренние методички и схемы маркировки, свои квазиполицейские каналы воздействия — связи с жалобщиками, экспертами и чиновниками, и свои квазисудебные механизмы — экспертные советы и заключения, способные запускать административные и судебные процессы.

Эта структура опасна своей мимикрией. Она выглядит как часть гражданского общества, но действует как репрессивный аппарат. Она использует язык демократии — «права человека», «свобода выбора», «защита семьи» — для подрыва самой идеи свободы совести.

Атака на Хабад для этой машины — лишь один из проектов. Крупный, сложный, хорошо финансируемый, но всего лишь проект. Механика отчуждения, запущенная ими, универсальна. Сегодня в картотеке на «балконе Х» числится раввин, завтра там может оказаться пастор, послезавтра — психолог или учитель йоги.

Документооборот ненависти не терпит простоев.

В одном из региональных управлений юстиции, в кабинете с видом на серую площадь, сотрудник, зевая, ставит печать на очередное «экспертное заключение», подготовленное по шаблону РАЦИРС. Он не читает текст. Ему все равно, что там написано. Для него это просто бумага, закрывающая отчетный период. Но для людей, чьи имена вписаны в этот документ, звук удара печати о стол звучит как выстрел. И этот выстрел был тщательно подготовлен, оплачен и скоординирован людьми, которые считают себя вправе решать, кому молиться, а кому — исчезнуть.

Глава 4. Семантическая война: захват языка

Слова убивают раньше, чем пули. Прежде чем нажать на спусковой крючок или подписать ордер на арест, необходимо совершить акт ментального уничтожения: превратить живого, сложного человека в плоскую, опасную абстракцию. В истории человечества ни один геноцид и ни одно массовое преследование не начинались с физического насилия. Они всегда начинались со словаря.

Чтобы общество приняло репрессии против группы людей, эта группа должна быть выведена за скобки нормальности. Ей нужно дать имя, которое будет звучать как диагноз и приговор одновременно. В нацистской Германии таким словом-маркером было «Untermensch» (недочеловек). В Советском Союзе — «враг народа». В современной России, в войне, развязанной против религиозных меньшинств, таким оружием стало словосочетание «тоталитарная секта».

Эта глава посвящена семантической войне. Мы разберем, как искусственно сконструированный язык, внедренный в правовое и медийное поле, меняет оптику восприятия, заставляя видеть в молитве — гипноз, в традиции — вербовку, а в общине — преступный синдикат.

Фантом «Тоталитарной секты»

Если вы откроете Уголовный кодекс Российской Федерации или Конституцию, вы не найдете там термина «тоталитарная секта». Его не существует в правовом поле. Это юридический фантом. Однако, если вы зайдете в кабинет следователя, сотрудника Центра «Э» или чиновника, отвечающего за внутреннюю политику, вы услышите это словосочетание в первые же минуты разговора.

Как понятие, отсутствующее в законе, стало главным инструментом правоприменения?

Ответ кроется в эмоциональной нагрузке термина. Слово «тоталитарный» было заимствовано из политологии времен Холодной войны. Оно вызывает мгновенный ассоциативный ряд: колючая проволока, концлагеря, подавление воли, серые шеренги марширующих людей, отсутствие свободы. Приклеивая этот политический ярлык к религиозной группе, идеологи антикультизма совершают подмену фундаментального уровня.

Известный религиовед И. Я. Кантеров точно подметил механизм этой манипуляции: в используемых Дворкиным терминах «тоталитарная секта» и «деструктивная секта» отсутствуют устойчивые типологизирующие признаки, что создает простор для произвольного «творчества». Иными словами, речь

идет не о строгой научной категории, а о ярлыке с мощной эмоциональной нагрузкой.

Это лингвистическая ловушка. Как только вы соглашаетесь использовать этот термин в дискуссии, вы уже проиграли. Вы уже признали, что обсуждаемая группа обладает признаками политической диктатуры, хотя речь идет о добровольном объединении верующих.

В отношении Хабада этот ярлык используется с особой циничностью. Движение с 250-летней историей, имеющее глубочайшие философские корни и признанное во всем мире, легким движением руки приравнивается к деструктивным культам-однодневкам. Это позволяет игнорировать реальность. Неважно, сколько школ и больниц построила община. Если она названа «тоталитарной сектой», все её действия трактуются как маскировка для захвата власти.

Технология «Размывания»: списки смерти

Одним из самых эффективных приемов семантической войны является создание ассоциативных рядов. В психологии это называется эффектом ореола: свойства одного объекта переносятся на соседние.

Антикультовые организации, и в первую очередь РАЦИРС, регулярно публикуют списки «сект», «культов» и «деструктивных организаций». В таких перечнях религиозные движения нередко оказываются в одном ряду с группами, известными насилием, криминалом или крайним деструктивным поведением.

Это технология «размывания». Когда глаз чиновника скользит по списку, он не видит разницы между хасидами и террористами, распылявшими газ в токийском метро. Они находятся в одной семантической ячейке. Возникает ложная логическая связка: «Если они в одном списке, значит, они одинаково опасны».

Этот прием используется в публицистике, презентациях и антикультовых материалах, где близость по верстке, соседство сюжетов и общий тревожный фон создают нужную ассоциацию без прямого доказательства.

Таким образом, законопослушные граждане криминализируются без совершения преступлений. Им не нужно нарушать закон, чтобы стать изгоями. Им достаточно оказаться в «плохом списке», составленном частной структурой, но воспринимаемом частью чиновников как руководство к действию.

«Справочник сектоведа»: инструкция по ненависти

Если язык — это оружие, то «Справочник сектоведа» и подобные ему издания — это устав строевой службы для армии гонителей. Эти книги, написанные псевдонаучным языком, лежат на столах у многих региональных чиновников. Они выполняют функцию фильтра реальности.

Для бюрократа, не имеющего религиоведческого образования, такой справочник становится истиной в последней инстанции. Если к нему приходит представитель общины с просьбой о выделении земли или согласовании мероприятия, чиновник открывает справочник. Если он находит там название организации в разделе «Секты», разговор окончен.

В этих текстах используется специфическая лексика, призванная вызвать отвращение. Верующие называются «адептами», молитвенные собрания — «вербовочными мероприятиями», пожертвования — «сборами средств», «финансовой эксплуатацией» или аналогичными подозрительными формулами.

Лингвистический анализ текстов Александра Дворкина, проведенный независимыми экспертами, выявляет системное использование приставки «псевдо-». «Псевдоиндуистские», «псевдохристианские», «псевдоиудейские». Эта приставка работает как кислота, разъедающая легитимность. Она говорит читателю: «То, что вы видите — подделка. Это не настоящая религия, это муляж».

В случае с Хабадом враждебная риторика может строиться на попытке представить Хабад как «неподлинную», «политизированную» или «искаженную» форму иудаизма. Казалось бы, безобидная приставка «нео-». Но в контексте антикультовой риторики она выполняет функцию отсечения корней. Она подразумевает, что есть некий «настоящий», «старый» хасидизм, и есть «новодел», не имеющий права на наследие.

Миф о «Контроле сознания»: лишение субъектности

Самым страшным оружием в арсенале семантической войны является концепция «промывания мозгов» (brainwashing) или «контроля сознания». Этот термин, пришедший из американской пропаганды времен Корейской войны, был адаптирован антикультистами для объяснения религиозного обращения. Термин «тотализм» и идеи «реформирования мышления» восходят к работам Роберта Лифтона и затем были перенесены в антикультовый дискурс.

Согласно этой теории, человек не может добровольно стать хасидом (или кришнаитом, или баптистом). Если он выбрал этот путь, значит, его «зазомбировали». Значит, к нему применили секретные психотехники, подавившие его волю и критическое мышление.

Почему этот миф так опасен? Потому что он полностью лишает верующего субъектности. Он перестает быть личностью, способной принимать решения. Он становится объектом, «биороботом», жертвой.

А если человек — жертва, лишенная воли, то его мнение не имеет значения. Его слова о том, что он счастлив в своей вере, объявляются результатом гипноза. Его желание посещать синагогу трактуется как симптом болезни.

Это открывает дорогу к чудовищному насилию под маской «помощи». Если человек «зазомбирован», то его можно и нужно спасать насильно. Можно похитить его, запереть в квартире, подвергнуть принудительному «депрограммированию» (по сути — психологическим пыткам), чтобы «вернуть ему настоящую личность».

В риторике антикультистов верующие описываются терминами, заимствованными из наркологии. Говорится о «сектантской зависимости», о «ломке», о необходимости «реабилитации». Религиозный выбор приравнивается к употреблению героина. Это медицинская метафора, которая переводит вопрос из плоскости прав человека в плоскость санитарии.

В экспертных заключениях, которые пишут психологи, аффилированные с антикультовым движением, часто встречаются фразы вроде: «изменение личности», «снижение критичности», «индукция бреда». Такая лексика может

использоваться для обоснования вмешательства в его права, семейную и религиозную жизнь,

«Традиционные религии»: клуб для избранных

Еще одним инструментом сегрегации стало понятие «традиционные религии». Изначально призванное подчеркнуть историческую роль православия, ислама, буддизма и иудаизма в России, в руках манипуляторов оно превратилось в дубину для отсечения неугодных. Закон 1997 года действительно «признает особую роль православия» и «уважает христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии», составляющие часть исторического наследия народов России.

Парадокс заключается в том, что Хабад присутствует в России столетиями. Любавичи — это смоленская деревня, колыбель движения. Казалось бы, что может быть традиционнее? Но в семантической игре антикультистов география и история не имеют значения.

Термин «традиционный» был переопределен. Теперь это означает не «исторически укорененный», а «лояльный и удобный». Хабад, с его активной позицией, международными связями и независимой структурой, не вписывается в прокрустово ложе «удобства». Поэтому его могут пытаться описывать как «нетрадиционный» или «подозрительный».

Это создает ситуацию правового апартеида. Есть религии «первого сорта» (традиционные), которым положена государственная поддержка, доступ в школы и армию. И есть религии «второго сорта» (нетрадиционные, читай — секты), которые подлежат сдерживанию и контролю.

Игра с определениями позволяет чиновникам говорить: «Мы уважаем иудаизм, но Хабад — это не иудаизм». Это классическая тактика «разделяй и властвуй», реализованная на уровне терминологии. Она позволяет преследовать евреев, формально не скатываясь в антисемитизм. «Мы не против евреев, мы против сектантов».

Лингвистика унижения

Если проанализировать тексты, генерируемые сетью РАЦИРС, с точки зрения лингвистики, мы увидим четкую стратегию дегуманизации. Используется лексика, вызывающая брезгливость и презрение.

Верующие называются «маргиналами», «неудачниками», «людьми с неустойчивой психикой». Их лидеры — «гуру», «манипуляторами», «мошенниками». Сами организации — «опухолями», «метастазами», «спрутами».

Зооморфные метафоры («стая», «паразиты», «хищники») выполняют функцию снятия морального запрета на агрессию. Дегуманизация работает именно так: человека представляют не как человека, а как заражение, объект или угрозу.

В книге Дворкина «Сектоведение» можно найти пассажи, где последователи религиозных движений описываются как люди, «выброшенные на обочину жизни», которые «с радостью кинулись в рабство». Автор отказывает им в достоинстве, в уме, в способности к творчеству. Он рисует карикатуру, в которую предлагает поверить читателю.

Эта карикатура затем тиражируется в СМИ. Журналисты, не погружаясь в тему, подхватывают яркие эпитеты. В статьях появляются заголовки: «Осторожно, сектанты!», «Как не попасть в лапы вербовщиков», «Зомби среди нас». Создается информационный шум, в котором голос самой общины просто не слышен.

Психологический терроризм

Распространение такой терминологии — это не просто клевета. Это форма психологического терроризма. Цель — посеять панику.

Когда родителям говорят, что в школе, где учится их ребенок, работают «сектанты», они испытывают животный страх. Они не будут разбираться в тонкостях теологии. Они потребуют уволить учителя или закрыть школу.

Антикультисты мастерски играют на родительских инстинктах. Миф о том, что «секты охотятся за нашими детьми», является одним из самых устойчивых. Этот страх парализует рациональное мышление. Общество, накачанное

страшилками о «зомбировании», готово одобрить любые, даже самые драконовские меры против «сектантов». Обыски, аресты, ликвидация юридических лиц воспринимаются как необходимая самооборона.

Экспертиза как приговор

Кульминацией семантической войны становится момент, когда эти термины попадают в официальный документ — судебную экспертизу.

Представьте себе документ, озаглавленный «Психолого-лингвистическое исследование». Его автор — эксперт с ученой степенью, который выступает в роли носителя специального знания. В этом документе анализируется проповедь раввина или текст из священной книги.

Эксперт, используя псевдонаучный аппарат, находит в тексте «признаки психологического воздействия» — как будто любая проповедь или политическая речь не является воздействием. Он находит «утверждения об истинности своего учения» и трактует это как «пропаганду религиозного превосходства».

Слова из проповеди о необходимости служения Богу интерпретируются как «призыв к отказу от гражданских обязанностей». Метафоры о духовной войне с грехом превращаются в «призывы к экстремистской деятельности».

Судья, не будучи лингвистом или религиоведом, смотрит на выводы эксперта. Там написано: «текст содержит признаки манипуляции сознанием и возбуждения вражды». Для судьи это становится достаточным основанием, чтобы признать книгу экстремистской, а организацию — опасной.

Так замыкается круг. Слово, придуманное пропагандистами, проходит через фильтр псевдоэкспертизы, получает печать учреждения и превращается в квазиюридический факт. Реальность переписана.

Язык как тюрьма

Мы видим, как создается герметичная языковая капсула. Внутри этой капсулы невозможно оправдаться.

Если вы говорите, что вы не секта, вам отвечают: «Это типичное поведение сектантов — отрицать свою сущность». Если вы показываете свои благотворительные проекты, вам говорят: «Это фасад для вербовки». Если вы пытаетесь защитить свои права в суде, это называют «атакой на свободу слова».

Любое ваше действие, пропущенное через призму этого языка, становится доказательством вашей вины. Это кафкианский мир, где логика вывернута наизнанку.

Когда смысл искажен, любое беззаконие становится возможным.

Глава 5. Паутина FECRIS: европейский хаб

Если взглянуть на карту антикультовой активности, наложив её на политическую карту Евразии, можно заметить странную аномалию. В то время как Россия всё глубже погружалась в изоляцию, разрывая дипломатические и культурные связи с Западом, один канал коммуникации оставался не просто открытым, но и неестественно активным. По этому каналу курсировали не товары и не технологии, а идеологемы ненависти.

Российская машина репрессий — это лишь один из узлов, пусть и самый агрессивный, в широкой транснациональной сети.

Европейский центр этой сети находится в сердце демократической Европы. Имя этому центру — FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве).

Фасад респектабельности

Для внешнего наблюдателя FECRIS выглядит как эталон европейской бюрократической добродетели.

Организация зарегистрирована во Франции как некоммерческая ассоциация по французскому праву, обладает партисипаторным статусом при Совете Европы и специальным консультативным статусом при ЭКОСОС ООН. Её представители участвуют в мероприятиях Совета Европы и ООН и могут подавать письменные и устные заявления в рамках своих статусов.

Но стоит отодвинуть тяжелую бархатную портьеру респектабельности, как открывается картина, достойная пера Кафки или Оруэлла.

Организация, претендующая на роль главного эксперта Европы по «защите прав человека от тоталитарных культов», сама обладает структурой, вызывающей массу вопросов. Как выяснилось в ходе независимых расследований, «мощная международная федерация» во многом является фикцией, «потемкинской деревней», выстроенной для освоения бюджетов и легитимизации репрессий.

Отдельные национальные или региональные структуры федерации фактически существовали по домашним адресам активистов, а внешний образ крупной европейской сети не всегда соответствовал их организационной реальности.

Этот контраст между скромной материальной инфраструктурой части функционеров и их доступом к международным площадкам не должен вводить в заблуждение. Даже ограниченные по масштабу структуры могут оказывать заметное влияние, если получают институциональную легитимацию, международные статусы и доступ к государственному финансированию и политическим сетям.

Французский парадокс: финансирование нетерпимости

Одним из самых шокирующих открытий для исследователей финансовых потоков антикультового движения стала роль французского государства. Франция, родина лозунга «Свобода, Равенство, Братство», на протяжении десятилетий финансировала структуры, чья деятельность критикуется правозащитниками и исследователями как подрывающая свободу совести.

Цифры говорят сами за себя. С 2001 года доля финансирования FECRIS со стороны французского правительства в исследовании 2012 года оценивалась в

среднем как 92% от общего бюджета организации. Аффилированные структуры, такие как UNADFI и CCMM, в том же исследовании описывались как почти полностью зависящие от государственного и публичного финансирования; для UNADFI приводилась средняя доля 96%, тогда как по CCMM в вашем фрагменте лучше не указывать 98% без отдельной первичной ссылки на финансовую отчетность.

Ключевым оператором этого финансирования в разные периоды выступали структуры французского государства, в том числе MIVILUDES и аппарат премьер-министра; при этом с июля 2020 года MIVILUDES уже не подчиняется напрямую премьер-министру, а прикреплена к SG-CIPDR в системе Министерства внутренних дел Франции — правительственный орган, созданный в 2002 году для координации государственной политики в сфере «сектантских отклонений». Именно через MIVILUDES французское государство в последние годы направляло дополнительное финансирование антикультовым ассоциациям, включая CCMM и UNADFI.

Этот финансовый «трубопровод» создал уникальную ситуацию. Российские антикультисты, входящие в структуру FECRIS, получили доступ не только к европейским трибунам, но и к дополнительной легитимации через связи с организацией, значимо финансировавшейся французским государством. Когда Александр Дворкин или его соратники выступали в России, они могли ссылаться на то, что их деятельность поддерживается на высоком уровне во Франции. Такая ссылка опиралась на реальное многолетнее взаимодействие FECRIS с французскими государственными структурами.

Александр Дворкин: вице-президент Европы

Роль Александра Дворкина в этой схеме невозможно переоценить. Долгое время (с 2009 по 2021 год) он занимал пост вице-президента FECRIS. Это не номинальная должность. Это статус, который превращал российского активиста в одного из международных представителей федерации.

Зачем Дворкину нужен был этот титул? Для реализации классической схемы международной легитимации.

В России методы Дворкина и РАЦИРС часто подвергались критике за радикализм и псевдонаучность. Но как только эти же тезисы озвучивались от имени вице-президента европейской федерации, они приобретали вес «международной экспертизы».

Участие Дворкина в руководстве FECRIS создавало канал, через который российская антикультовая риторика получала европейскую площадку и символический статус, а затем могла использоваться в России как ссылка на «международную озабоченность».

Рижский протокол: слияние сетей

Чтобы понять, как эта сеть функционирует на практике, достаточно рассмотреть одно событие — конференцию FECRIS в Риге в 2018 году. Это мероприятие стало наглядной демонстрацией того, как переплетаются интересы российских активистов, европейских бюрократов и антикультовых деятелей.

На одной сцене в столице Латвии собрался пестрый интернационал. Здесь были представители французской MIVILUDES (Лоренс Пейрон), а в официальной программе среди выступавших также значились представители Бельгии, Германии, Испании, Швеции, Великобритании, США и, разумеется, мощная российская делегация во главе с Дворкиным.

Но самым интересным было присутствие политиков. Мероприятие в Риге открывал Андрейс Мамыкин, бывший депутат Европарламента, а также фигурировали люди, связанные с латвийским политическим полем, в том числе с партией «Латвийский русский союз», с которой была связана Татьяна Жданок; в 2024 году журналистские расследования и латвийские органы сообщили о подозрениях в ее сотрудничестве с российскими спецслужбами.

Рижская встреча показала, что антикультовая повестка — может использоваться как площадка для политических альянсов самого разного толка. Под предлогом защиты детей и семейных ценностей формировались альянсы между европейскими правыми, левыми популистами и фигурами, которых позднее связывали с российским влиянием.

Крымский вояж и буква «Z»

Политическая ангажированность FECRIS перестала быть секретом Полишинеля, когда её члены стали ассоциироваться с публичной поддержкой кремлёвских нарративов.

Ярким примером стал визит Жоржа Фенека, бывшего главы MIVILUDES и позднее члена её Orientation Council, в оккупированный Крым в 2019 году. Французский политик, долгое время связанный с французской антикультовой политикой, приехал на аннексированную территорию, чтобы поддержать линию, выгодную российской стороне; в критических публикациях этот визит описывался как аплодисменты путинской аннексии Крыма. В англоязычных публикациях об этом эпизоде утверждалось, что он фактически свидетельствовал о том, «как хорошо Крыму живется с Россией», полностью игнорируя преследования религиозных меньшинств на полуострове.

Это был момент истины. Стало очевидно, что для части европейской элиты, связанной с FECRIS, борьба с «сектами» важнее прав человека и международного права.

Ещё более радикальным примером служит фигура протоиерея Александра Новопашина, официального представителя РАЦИРС и деятеля, которого в 2022 году ещё продолжали описывать как связанного с FECRIS/корреспондентского члена. Этот человек, публично демонстрировавший поддержку войны и символики «Z», называл украинцев «нацистами», «сатанистами» и «каннибалами».

Возникает закономерный вопрос: как организация, получающая значительную часть бюджета от французского государства, могла годами держать в своих рядах человека, транслирующего человеконенавистническую риторику? Для критиков FECRIS это служит аргументом, что федерация не соответствует образу нейтральной правозащитной структуры. Это идеологический клуб, где ненависть к «инакомыслящим» нередко соседствует с политической лояльностью и антиплюралистической риторикой.

Китайский вектор: глобализация репрессий

Амбиции FECRIS не ограничиваются Европой и Россией. Организация неоднократно критиковалась за связи с китайской антикультовой повесткой и за то, что её представители и аффилированные структуры легитимировали риторику Пекина против религиозных меньшинств, включая Фалуньгун.

Критики FECRIS указывают, что европейская антикультовая терминология — прежде всего язык «деструктивных культов» и «сектантских отклонений» — оказалась удобной для авторитарных государств, включая Китай, где подобная лексика используется для оправдания жестких мер против неугодных религиозных движений.

Это сотрудничество подсвечивает истинную природу сети. FECRIS выступает как глобальный хаб по обмену технологиями дегуманизации. Российские антикультисты и китайские, и российские репрессивные практики находят в антикультовой риторике общий язык, а китайцы получают от европейской антикультовой среды псевдоправовую риторику.

Механизм инфильтрации: ОБСЕ и ООН

Особую опасность представляет проникновение агентов FECRIS в международные институты. Используя статус НПО при Совете Европы и ЭКОСОС ООН, они получают доступ к международным площадкам.

Тактика проста: заполнить информационное пространство шумом. На сессиях ОБСЕ по человеческому измерению представители РАЦИРС и их европейские коллеги регулярно устраивают обструкцию, занимая время выступлениями о «преступлениях сект». Они создают параллельную реальность, в которой главная угроза правам человека исходит не от диктаторских режимов, а от религиозных меньшинств.

В 2021 году в Бордо, на симпозиуме FECRIS, глава MIVILUDES Ханен Ромдхан участвовала в одном мероприятии с Александром Дворкиным. В это же время в России уже раскручивался маховик репрессий, основанный на справках, написанных подчиненными Дворкина. Французская чиновница своим присутствием нормализовала деятельность человека, который конструировал идеологическое обоснование для преследования людей в России.

«Дивеевское братство» и экспорт хаоса

Источники указывают на то, что за спиной Дворкина и его европейских партнеров стоит неформальная, но могущественная группа влияния, известная как «Дивеевское братство». Эта структура, объединяющая силовиков, чиновников и церковных иерархов, рассматривает антикультовую деятельность как инструмент «мягкой силы».

Для них FECRIS — это не цель, а средство. Средство дестабилизации западных обществ изнутри. Поддерживая истерию вокруг «сект», они подрывают доверие к демократическим институтам, разрушают социальную ткань и насаждают атмосферу подозрительности.

Парадокс ситуации заключается в том, что западные демократии, финансируя FECRIS, фактически оплачивают собственную дестабилизацию. Они дают гранты людям, которые считают либеральные ценности «сатанинскими» и работают на укрепление авторитарных режимов.

Индустрия двойных стандартов

В отношении Хабада эта международная сеть применяет тактику двойных стандартов. В Европе, где память о Холокосте еще жива, они действуют осторожно, избегая открытого антисемитизма. Здесь они атакуют Хабад как «закрытую группу», «фундаменталистов», нарушающих светские нормы образования.

В России же, где руки развязаны, те же самые люди через свои филиалы (РАЦИРС) запускают нарративы о «нацизме», «Хазарии» и «ритуальном доминировании».

FECRIS служит буфером. Когда еврейские организации пытаются привлечь внимание к антисемитизму российских «сектоведов», руководство FECRIS в Париже разводит руками: «Мы ничего об этом не знаем, у нас чисто научная организация». Публично доказуемо как минимум то, что они годами находились в одной институциональной сети, выступали на общих площадках и сохраняли связи даже после того, как радикальная риторика российских деятелей стала широко известной.

Паутина замкнулась

К 2022–2023 году стало очевидно, что мы имеем дело не с разрозненными группами энтузиастов, а с единым организмом.

Когда в Самаре или Перми местный «сектовед» пишет донос на раввина, он использует формулировки, утвержденные в той же антикультовой идеологической матрице, которая воспроизводится на международных конференциях и в документах FECRIS. Когда французский чиновник или французская система финансирует антикультовые структуры, это укрепляет и международную сеть, в которой годами участвовали российские деятели вроде Дворкина.

Эта система самоподдерживающаяся. Она питается страхом и бюджетными деньгами. И она абсолютно глуха к страданиям конкретных людей.

В архивах FECRIS можно найти тысячи страниц отчетов о «вреде культов». Но вы не найдете там ни слова о разбитых окнах мест молитв, о сфабрикованных уголовных делах, о слезах матерей, чьих детей травили в школах из-за веры родителей. Для европейских бюрократов от антикультизма это «сопутствующий ущерб». Для российских операторов РАЦИРС — это «показатели эффективности».

Паутина, сплетенная в уютных кабинетах Парижа и Брюсселя, оказалась достаточно прочной, чтобы душить людей за тысячи километров оттуда. И нить, тянущаяся от чиновника во Франции до следователя в российском провинциальном городе, гораздо короче, чем кажется на первый взгляд.

На столе у Александра Дворкина, вероятно, лежит приглашение на очередной европейский симпозиум. А в соседней стопке — черновик новой экспертизы, которая объявит очередную священную книгу «экстремистским материалом». И эти две бумаги не противоречат друг другу. Они — части одного целого.

Глава 6. Индустрия лжесвидетельства: экспертиза как оружие

В современном российском судопроизводстве по делам об экстремизме главная фигура — не судья, не прокурор и даже не обвиняемый. Главная фигура — человек, которого в зале суда часто даже нет. Его имя написано мелким шрифтом на титульном листе многостраничного документа, именуемого «Заключение комплексной психолого-лингвистической религиоведческой экспертизы». Именно этот человек, наделенный статусом эксперта, фактически во многом предопределяет рамку, в которой суд затем оценивает дело.

Судья, как правило, не разбирается в тонкостях теологии и не имеет компетенций в социальной психологии. Оказавшись перед необходимостью вынести решение о том, является ли, к примеру, древняя священная книга «экстремистским материалом», он вынужден делегировать ответственность. Он обращается к «науке». И здесь в игру вступает механизм, который за последние два десятилетия был отлажен до автоматизма.

Это не наука в привычном понимании слова. Это индустрия по производству юридически значимой лжи.

Мы привыкли думать, что экспертиза — это объективный процесс, где беспристрастный ученый с помощью пробирок или словарей устанавливает истину. Но в делах, касающихся религиозных меньшинств, экспертиза превратилась в «черный ящик». На входе в него подаются священные тексты, проповеди или уставные документы общины. На выходе, после невидимых манипуляций внутри, появляется готовый вердикт: «экстремизм», «возбуждение вражды», «пропаганда неполноценности».

Чтобы понять, как работает эта машина, нужно разобрать её на винтики. И первый винтик — это кадры.

Феномен «карманных экспертов»

В идеальном мире экспертизу должен проводить специалист, признанный академическим сообществом. Психологическую экспертизу — доктор наук с клиническим опытом. Но в реальности, сконструированной антикультовой сетью, мы сталкиваемся с феноменом «универсальных специалистов».

Существует узкий круг лиц, чьи фамилии кочуют из одного уголовного дела в другое. Сегодня они ищут экстремизм в листовках политической оппозиции, завтра — в книгах кришнаитов, послезавтра — в текстах любавичских хасидов. Эти люди обладают удивительной «всеядностью».

Анализ судебной практики показывает, что значительная часть таких экспертиз проводится не в профильных академических институтах (вроде Института языкознания РАН или МГУ), а в самых разных учреждениях, включая региональные университеты и структуры, чья профильная специализация далеко не всегда очевидна для предмета исследования. Это могут быть ООО с громкими названиями вроде «Центр социокультурных экспертизы», штат которых состоит из одного директора и бухгалтера, или же непрофильные кафедры педагогических вузов в провинции.

Такие организации часто называют «фирмами-однодневками» от науки. У них нет научной репутации, которой они могли бы дорожить. Их бизнес-модель строится на лояльности заказчику — чаще всего, центру по противодействию экстремизму или прокуратуре. Заказчик платит не за поиск истины, а за конкретный результат. И он его получает.

В критических обзорах российской правоприменительной практики неоднократно отмечалось, что экспертные заключения по делам о религиозной литературе и «экстремизме» часто вызывали серьезные сомнения в научной добросовестности и методологической состоятельности. Религиоведческую экспертизу может проводить культуролог, специализирующийся на фольклоре, или историк иной непрофильной области. Психологическую — педагог начальных классов. Отсутствие профильного образования не становится препятствием для суда. Главное — наличие диплома о высшем образовании и формального сертификата.

Томский прецедент: анатомия подлога

Чтобы увидеть, как эта система работает в деталях, необходимо обратиться к хрестоматийному примеру — судебному процессу в Томске в 2011 году. Хотя формально он касался другой религиозной традиции (вайшнавизма), именно там была обкатана технология, которая сегодня применяется против Хабада. Это был полигон, где «обкатывали» танки перед тем, как пустить их в город.

Суть дела заключалась в попытке признать экстремистской книгу «Бхагавад-гита как она есть». Ключевым доказательством обвинения сначала стало заключение преподавателей Томского государственного университета, а затем, по ходатайству прокуратуры, была назначена новая психолого-религиоведческо-лингвистическая экспертиза в Кемеровском государственном университете. Комиссия КемГУ состояла из религиоведа Алексея Горбатова, лингвиста Михаила Осадчего и психолога Сергея Дранишникова.

Когда защита и независимые наблюдатели начали изучать текст этого заключения, они обнаружили нечто, выходящее за рамки простой некомпетентности. Это был откровенный подлог.

Лингвист Михаил Осадчий и психолог Сергей Дранишников в своих частях экспертизы допустили ошибку, которая выдала их с головой. Их тексты совпадали местами буквально слово в слово. Целые абзацы «психологического анализа» были идентичны абзацам «лингвистического анализа».

В науке это невозможно. Лингвистика и психология оперируют разным понятийным аппаратом, разными методами и разной терминологией. Совпадение текстов означало только одно: экспертиза не проводилась. Текст был написан одним человеком (или скопирован из методички), а затем просто подписан разными фамилиями для придания веса «комиссионности».

Эти «эксперты» пришли к выводу, что книга содержит высказывания, оскорбительные «для неопределенной группы лиц», и обосновывает необходимость «ограничения свободы женщин». Теологические концепции древнеиндийского эпоса были интерпретированы через призму современного Уголовного кодекса.

Реакция научного сообщества была жесткой. Доктор филологических наук О.В. Орлова в своей рецензии отметила, что выводы кемеровских специалистов

«не являются обоснованными и объективными вследствие их несоответствия методологии современного лингвистического анализа текста». К ней присоединились ведущие сотрудники Института русского языка им. В. Виноградова РАН и МГУ.

Однако для судебной машины мнение академиков РАН оказалось менее весомым, чем мнение «карманных экспертов» из Кемерово. Процесс был запущен. И хотя в том конкретном случае общественный резонанс и дипломатический скандал с Индией заставили систему отступить, методика осталась.

Именно эта методика — копирование обвинительных блоков, игнорирование контекста и подмена понятий — легла в основу атак на священные тексты иудаизма.

Казус Астаховой

Если в Томске эксперты просто копировали друг друга, то в других процессах уровень фальсификации достигал еще более циничных высот. Показательным является случай с экспертом Ларисой Астаховой, чье заключение рассматривалось в деле о ликвидации Саентологической церкви Москвы в 2015 году.

Астахова должна была проанализировать религиозную литературу и практику организации. Заключение Астаховой вызвало резкую критику со стороны религиоведов и специалистов по судебной экспертизе, которые указывали на логические ошибки, методологические нарушения, конфессиональный, а не религиоведческий подход, отсутствие объективности и игнорирование части материалов дела.

В своем заключении она привела цитату, якобы доказывающую экстремистские намерения организации. Она указала конкретную страницу книги, где эта цитата якобы находилась. Когда адвокаты открыли книгу на указанной странице, они не нашли там этих слов. Они просмотрели всю книгу — цитаты не было. Астахова её просто выдумала.

Это называется интеллектуальным подлогом.

Казалось бы, после такого разоблачения эксперт должен навсегда лишиться права приближаться к судам, а против него должно быть возбуждено уголовное дело. Но ничего подобного не произошло. Система защищает своих исполнителей. Астахова и подобные ей продолжают фигурировать в публичных дискуссиях как авторы заключений, потому что именно такие заключения оказываются востребованы заказчиком.

В делах против Хабада этот метод «приписывания» используется постоянно. Берется фраза из «Тании» о различии душ, вырывается из метафизического контекста и подается как политическая программа расовой сегрегации. Эксперт «забывает» упомянуть, что речь идет о духовных категориях, и транслирует мысль: «Автор утверждает биологическое превосходство евреев».

Псевдонаука на службе обвинения: миф о «промывании мозгов»

Одним из главных орудий в арсенале лжеэкспертов является теория «манипуляции сознанием» или «промывания мозгов». Несмотря на то, что серьезная психология и социология давно отвергли эти концепции как ненаучные (невозможно «запрограммировать» человека против его воли как компьютер), в российских судах они живут и побеждают.

В экспертных заключениях регулярно встречаются термины: «психологическое насилие», «внедрение фобий», «контроль сознания». Эти понятия не имеют четких критериев. Что такое «психологическое насилие» в контексте религии? Проповедь о страхе Божьем — это насилие? Призыв соблюдать пост — это контроль?

Размытость формулировок позволяет подвести под них любую религиозную практику. Хасидская молитва с её эмоциональным накалом объявляется «трансовым состоянием, подавляющим волю». Изучение Торы — «сужением сознания».

В томском процессе эксперты сами признали «крайнюю неоднозначность выражения “манипуляция сознанием”», но это не помешало антикультовым активистам использовать схожие конструкции для обвинения.

Эта псевдонаучная терминология выполняет важную функцию: она дегуманизирует верующих. Если суд признает, что над членами общины осуществляется «контроль сознания», значит, их показаниям нельзя верить. Они — «зомби». А «зомби» не имеют прав. Их нужно спасать принудительно.

Цикличная легитимизация: ссылка на самого себя

Откуда эксперты берут информацию, если они не изучают первоисточники и не проводят полевых исследований? Анализ библиографических списков в экспертизах по делам Хабада и других групп вскрывает схему, которую можно назвать «цикличным цитированием» или «отмыванием информации».

Эксперт, которому поручено найти экстремизм в деятельности общины, открывает не научные монографии, а сайт Центра св. Иринея Лионского или книгу Александра Дворкина «Сектоведение». Он берет оттуда тезисы (которые сами по себе являются публицистикой или пропагандой), переписывает их наукообразным языком и вставляет в заключение.

Затем, в списке литературы, он указывает: «Дворкин А.Л., Сектоведение».

Получается замкнутый круг. Дворкин придумывает миф о «секте». Эксперт ссылается на Дворкина как на научный источник. Суд принимает экспертизу и выносит решение. Затем Дворкин пишет новость: «Суд подтвердил, что это секта».

В этой схеме нет места внешней реальности. Это герметичная система самоподтверждения. Материалы с сайта *irineу.ru*, часто анонимные или написанные в жанре пасквиля, через фильтр экспертизы превращаются в «установленные факты».

Особенно цинично это выглядит, когда эксперты начинают ссылаться на предыдущие решения судов, вынесенные на основе таких же фальшивых экспертиз.

Фильтр Минюста: институционализация лжи

Вся эта индустрия не могла бы существовать без мощной административной поддержки. Ключевым узлом, легализующим деятельность

псевдоэкспертов, стал Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

Долгое время этот совет возглавлял сам Александр Дворкин. Это назначение стало поворотным моментом. Человек, не имеющий профильного религиоведческого образования (его диплом — по средневековой истории), получил право решать, какая религия является «традиционной», а какая — «опасной сектой».

Совет при Минюсте превратился в фильтр. Через него отсеивались неугодные организации. Но еще важнее то, что статус председателя совета дал Дворкину и его соратникам (таким как Роман Силантьев, Александр Кузьмин) ореол государственной важности.

Когда в регион приезжает «эксперт Минюста», местный судья или следователь воспринимает его слова как директиву из Москвы. Дворкин использовал этот ресурс для создания сети лояльных экспертов по всей стране. Он помогал институционализировать антикультовый подход как квазигосударственный стандарт оценки «опасных» религиозных объединений.

Период его председательства совпал с годами, когда российская антиэкстремистская практика особенно активно затрагивала религиозную литературу и религиозные меньшинства, а сам совет вызывал обеспокоенность у правозащитников и USCIRF.

Статья 307: щит для лжесвидетеля

Почему эксперты не боятся врать? Почему Астахова, кемеровские ученые, скопировавшие текст, не понесли наказание?

Ответ кроется в формулировке статьи 307 Уголовного кодекса РФ: «Заведомо ложные показание, заключение эксперта…». Ключевое слово здесь — «заведомо».

Чтобы осудить эксперта, следствие должно доказать, что он *знал* правду, но *специально* соврал. Это практически невозможно. Эксперт всегда может сказать: «Я так вижу. Это мое научное мнение. Я мог ошибаться, но я не врал намеренно».

В гуманитарных науках, где нет жестких формул, как в математике, пространство для интерпретации огромно. И лжеэксперты этим пользуются. Они прикрываются «авторскими методиками» и «субъективной оценкой».

Юристы давно говорят о том, что статья 307 в её нынешнем виде плохо работает как реальный механизм очистки процесса от некачественных экспертиз. Она создает иллюзию ответственности, но на практике становится щитом для фальсификаторов. Эксперт знает: максимум, что ему грозит, — это оспаривание его заключения в процессе. А гонорар за «нужное» заключение он получит в любом случае.

Более того, существует примечание к статье, которое освобождает эксперта от ответственности, если он признается в ложности заключения до вынесения приговора. Это дает возможность для маневра до самого последнего момента.

Язык как улика

Особое внимание стоит уделить лингвистической эквилибристике, к которой прибегают эксперты. Они используют сложные, наукообразные конструкции, чтобы замаскировать отсутствие смысла.

Фразы вроде «инвективная лексика», «коммуникативная стратегия дискредитации», «имплицитное побуждение» гипнотизируют суд. За этими словами часто скрывается пустота. Например, призыв «бороться со злом внутри себя» может быть интерпретирован как «скрытый призыв к насилию». Таким образом, презумпция невиновности отменяется. Человека судят не за то, что он написал или сказал, а за то, что эксперт «прочитал между строк».

Подмена реальности

Индустрия лжесвидетельства делает нечто более страшное, чем просто фальсификация улик. Она подменяет реальность.

Эта бумажная реальность становится юридическим фактом. И когда судебный пристав приходит к людям, он действует в строгом соответствии с этой вымышленной реальностью.

Документ побеждает жизнь. Печать побеждает здравый смысл.

Мы видим, как институт экспертизы, призванный быть гарантом объективности, превратился в дубину. Это оружие массового поражения, которое бьет не по площадям, а по смыслам. Оно уничтожает репутацию, ломает судьбы и криминализует веру.

И самое страшное в этой истории то, что у жертвы нет возможности защититься. Вы не можете спорить с экспертом, если суд отказывает вам в проведении повторной, независимой экспертизы (а это происходит в 90% случаев). Вы оказываетесь заперты в комнате с кривыми зеркалами, и судья смотрит не на вас, а на ваше отражение, нарисованное наемным художником.

В тишине кабинета слышен только скрип пера. Эксперт подписывает очередное заключение. Он не смотрит в глаза тем, кого он только что приговорил. Для него это просто работа. Очередной заказ выполнен. Папка закрывается.

На столе остается лежать документ с гербовой печатью. В нем написано, что черное — это белое, а молитва — это преступление. И с этого момента ложь становится законом.

Глава 7. Эхо-камера: медийные технологии травли

Когда человек открывает утреннюю ленту новостей или включает телевизор, он полагает, что видит отражение реальности. Ему кажется, что информационная картина дня складывается хаотично, из множества независимых событий: где-то открыли завод, где-то произошла авария, а где-то обнаружили «шпионское гнездо». Обыватель редко задумывается о том, что хаос в его ленте может быть строго структурирован, а последовательность новостей — срежиссирована так же тщательно, как партитура симфонического оркестра.

В случае с кампанией против Хабад-Любавич мы наблюдаем феномен, который медиа-аналитики называют «эхо-камерой», а в публицистическом смысле — герметичной средой информационного удушения. Это герметичная среда, где ложь, многократно отражаясь от стен различных медиаресурсов, приобретает плотность факта, вытесняя кислород объективности.

Эта глава посвящена анатомии медийного убийства. Мы разберем технологическую цепочку, посредством которой маргинальные слухи превращаются в федеральную повестку, а мирная религиозная община — в пугало для миллионов телезрителей.

Конвейер легализации лжи

В современной информационной войне существует понятие «отмывание информации» (information laundering). Этот процесс удивительно похож на отмывание денег: грязный, криминальный актив (в данном случае — откровенная ложь или конспирологический бред) проходит через цепочку посредников, чтобы на выходе предстать перед публикой чистым, легальным «фактом», на который не стыдно сослаться в приличном обществе.

Атака на Хабад строится по классической схеме «снизу вверх», создающей иллюзию естественного общественного возмущения.

Этап первый: Инъекция токсина. Всё начинается в «серой зоне» интернета. Анонимные Telegram-каналы, паблики в социальных сетях с названиями вроде «Скрытая правда» или «Заметки патриота», форумы конспирологов. Здесь нет ответственности за слово, нет редакционной политики и нет имен. Именно сюда вбрасывается первичный тезис. Например: «В синагоге города N под видом молитв проходят инструктажи агентов Моссада». Никаких доказательств, фото или документов. Только текст, написанный тревожным, истеричным тоном.

Этап второй: Легитимизация через маргиналов. Далее в игру вступают ресурсы «второго эшелона». Это сайты региональных «активистов» и порталы, аффилированные с ними, или малоизвестные новостные агрегаторы, не брезгующие «желтухой». Они перепечатывают вброс, но уже придают ему форму новости. Заголовок меняется: «В сети обсуждают странную активность в синагоге». Появляется ссылка на «источники». Ложь обрастает деталями. На

этом этапе к процессу подключаются блогеры, специализирующиеся на поиске врагов. Они записывают видеоролики, где с умным видом анализируют анонимный текст, добавляя к нему собственные домыслы.

Этап третий: Экспертная валидация. Это ключевой момент трансформации. Ссылаясь на публикации «второго эшелона», комментарий дает «эксперт». Он не говорит: «Это правда». Он говорит хитрее: «Поступающая информация вызывает тревогу и укладывается в паттерны деятельности тоталитарных сект». Всё. Круг замкнулся. Теперь у журналистов крупных изданий есть не просто анонимный слух, а «комментарий эксперта» по поводу «общественного резонанса».

Этап четвертый: Федеральный мегафон. Финал операции — выход сюжета на федеральные каналы. В прайм-тайм выходит «специальное расследование» или сюжет в новостях. Диктор с тревожными интонациями сообщает: «Эксперты предупреждают об опасности...». На экране мелькают кадры, снятые скрытой камерой, и цитаты тех самых «экспертов». Ссылка на первоисточник (анонимный Telegram-канал) к этому моменту уже надежно похоронена под слоями перепечаток. Для зрителя это выглядит как проверенная информация.

Эта технология позволяет создать «информационный шум» такой плотности, что голос самой общины просто не слышен. Опровержения, если они и выпускаются, тонут в потоке негатива. Работает принцип асимметрии: чтобы запустить ложь, нужна секунда и ноль затрат; чтобы её опровергнуть, нужны недели, экспертизы и суды, решение которых уже никого не будет интересовать.

Эстетика тревоги: визуальное насилие

Телевизионные сюжеты о «сектах», выходящие на федеральных каналах, сделаны по канонам психологического триллера. Режиссеры монтажа и операторы используют набор приемов, призванных воздействовать не на логику, а на лимбическую систему мозга, отвечающую за страх и агрессию.

Обратите внимание на цветовую гамму. В сюжетах о «сектах» картинка часто искусственно затемняется, добавляются холодные синие или грязно-зеленые фильтры. Это подсознательно вызывает у зрителя чувство отторжения и опасности.

Звуковое сопровождение играет не меньшую роль. Фоном к закадровому тексту пускают низкочастотный гул или тревожную, диссонирующую музыку, характерную для сцен ожидания убийства в фильмах ужасов. Этот аудиоряд создает физиологический дискомфорт. Зритель начинает чувствовать тревогу еще до того, как понял смысл слов. И эта тревога автоматически связывается с образом, который он видит на экране.

Особый жанр — съемка скрытой камерой. Журналисты проникают на открытые богослужения или праздники, но снимают их так, словно фиксируют преступление: из-под полы, с «дрожащим» кадром, с расфокусом. Совершенно невинные действия — раздача еды, чтение книг, танцы — в такой подаче выглядят как зловещие ритуалы. Закадровый голос при этом шепчет: «Нам удалось проникнуть в святая святых…». Создается эффект запретного плода, тайны, которую от нас скрывают.

Монтаж работает на разрыв контекста. Фраза участников так называемой «секты», обрывается на полуслове, и сразу за ней следует комментарий «пострадавшего» (часто — человека с закрытым лицом и измененным голосом), который рассказывает о том, как у него «отобрали квартиру». Мозг зрителя сам склеивает эти два куска, выстраивая причинно-следственную связь там, где её нет.

Метод «Вины по ассоциации»

Одним из самых циничных приемов медийной травли является технология «вины по ассоциации» (guilt by association). Это манипулятивная техника, при которой объект атаки визуально или смыслово помещается в один ряд с абсолютным злом.

В новостных выпусках сюжет часто верстается в блоке криминальной хроники. Сначала идет репортаж о задержании террористов ИГИЛ (запрещена в РФ), затем — сюжет о наркоторговцах, и сразу следом — материал о проверке сектантской организации. Диктор не говорит прямо, что ее участники — террористы. Но инерция восприятия делает свое дело. Эмоциональный шлейф от предыдущих сюжетов накладывается на следующий. Зритель, уже

«разогретый» страхом перед террором, переносит этот страх на мирных граждан, получивших клеймо «сектант».

В документальных фильмах-расследованиях этот прием используется еще грубее. На экране показывают архивные кадры газовой атаки в токийском метро сектой «Аум Синрикё», трупы, панику. А затем, через плавный переход, показывают молитву верующих. Закадровый текст при этом может рассуждать о «природе фанатизма» в целом. Прямого обвинения нет, юридически придраться сложно. Но ассоциативная связь «Секта = смерть в метро» прочно впаивается в подкорку.

Как отмечается в аналитических материалах, посвященных этой проблеме:

«Метод “вины по ассоциации” — это манипулятивный приём, при котором организация, ставшая объектом преследования, намеренно связывается или ассоциируется с негативными образами экстремистских групп, террористических организаций, преступников и диктаторов, уже прочно укоренившихся в общественном сознании».

Эта технология позволяет «размыть» образ законопослушной религиозной организации, смешав её с криминальным миром. В результате в общественном сознании формируется химера: некий обобщенный образ «сектанта», который одновременно и молится, и готовит теракт, и отбирает квартиры.

Информационный терроризм и «наркотизирующая дисфункция»

Массированная атака на сознание граждан имеет долгосрочные последствия, выходящие далеко за рамки репутации одной общины. Социологи Пол Лазарсфельд и Роберт Мертон еще в середине XX века описали феномен «наркотизирующей дисфункции СМИ». Его суть в том, что переизбыток информации о социальных и политических проблемах может не побуждать к действию, а, наоборот, вести к апатии и подмене действия самим фактом осведомленности.

Когда на человека ежедневно обрушиваются потоки «разоблачений», сообщений о «заговорах» и «внутренних врагах», его психика включает защитные механизмы. Он перестает анализировать. Он начинает потреблять

информацию пассивно, как наркотик. Ему нужна новая доза страха, чтобы чувствовать себя живым, но при этом он теряет способность отличать правду от вымысла.

Антикультовая пропаганда эксплуатирует это состояние. Она создает атмосферу перманентной моральной паники. Обществу внушается мысль: «Мы в кольце врагов. Они везде. Они выглядят как мы, но они — чужие». Это состояние идеально для управления массой. Напуганные люди готовы одобрить любые репрессивные меры, лишь бы вернуть чувство безопасности.

В этом контексте деятельность медиаресурсов, транслирующих нарративы РАЦИРС, в публицистическом ключе можно описать как форму информационного насилия или информационного террора.

Создание образа «внутреннего врага» в условиях геополитической напряженности — это не просто журналистская недобросовестность. Это диверсия против социальной стабильности. Разжигание ненависти к одной группе неизбежно повышает общий уровень агрессии в обществе.

Монополия на микрофон

Характерной чертой этой медийной кампании является её тотальная односторонность. Журналистская этика требует предоставить слово второй стороне конфликта. Но в сюжетах о «сектах» это правило отменяется.

Представители еврейской общины либо вообще не появляются в кадре, либо их слова подвергаются такой жесткой нарезке, что смысл меняется на противоположный. Официальные опровержения, пресс-релизы, заявления лидеров религиозных общин игнорируются федеральными СМИ. Их просто не существует в созданной медиареальности.

Зато «эксперты-сектоведы» получают неограниченный эфир. Они выступают в роли единственных носителей истины. Их титруют как «профессоров», «религиоведов», «членов экспертных советов», придавая их словам вес государственной позиции. Зритель не знает, что «профессор» может не иметь профильного образования, а его «институт» — это комната в квартире. Зритель видит титр на экране государственного канала, и этого достаточно.

Создается искусственный консенсус. Если по всем каналам говорят одно и то же, и никто не возражает, значит, это правда. Спираль молчания закручивается: даже те, кто сомневается в официальной версии, боятся высказаться, видя, какая мощная машина работает против «инакомыслящих».

Психологический террор как норма

Медийная травля наносит удар не только по репутации организации, но и по психике конкретных людей. Верующие оказываются в ситуации постоянного стресса. Они боятся надевать кипу на улице. Они инструктируют детей не говорить в школе, где они были в субботу.

Это и есть цель кампании — маргинализация. Сделать так, чтобы быть хасидом стало страшно и стыдно. Выдавить религию из публичного пространства в гетто страха.

Исследования показывают, что повторное и интенсивное медийное освещение травмирующих событий может ассоциироваться с острым стрессом, тревогой, депрессивными симптомами и PTSD-подобными реакциями у аудитории, даже если она не находилась в эпицентре события.

Антикультисты превращают медиа в оружие массового психологического поражения. Они заражают общество неврозом. И в этом невротическом состоянии люди становятся легкой добычей для манипуляторов. Им указывают на врага, и они, не рассуждая, готовы его атаковать, лишь бы избавиться от невыносимого чувства тревоги.

Мы видим, как экран телевизора превращается в кривое зеркало, в котором искажаются лица, смыслы и судьбы. Но самое страшное, что это зеркало не просто отражает — оно формирует реальность. И в этой реальности, созданной монтажными склейками и истеричными заголовками, уже почти не осталось места для правды. И завтра этот медийный яд начнет действовать уже в реальной жизни.

Глава 8. Цена дегуманизации: человеческое измерение

Статистика не кровоточит. Судебные протоколы не плачут. Экспертные заключения, какими бы оспариваемыми они ни были, не испытывают боли. До сих пор мы рассматривали механику отчуждения как сложную инженерную конструкцию: анализировали документы, отслеживали финансовые потоки, разбирали семантические ловушки. Мы видели шестеренки и рычаги машины ненависти. Но у любой машины есть продукт производства.

Продуктом работы антикультовой сети являются не справки и не эфиры на федеральных каналах. Её конечный продукт — сломанные человеческие судьбы.

Когда выключаются камеры и закрываются двери залов суда, начинается то, что социологи сухо называют «социальными последствиями стигматизации», а сами жертвы называют адом. В этой главе мы спустимся с высот структурного анализа на землю, в квартиры обычных людей, чтобы увидеть, какую цену платят верующие за ярлык «сектант», наклеенный на них государством с подачи «православных правозащитников».

Эффект стеклянной стены

Процесс превращения человека в изгоя редко начинается с удара кулаком. Он начинается с тишины.

Представьте семью, живущую в обычном спальном районе российского города. Отец — инженер, мать — преподаватель музыки, двое детей. Они соблюдают шаббат, ходят в синагогу, помогают местному благотворительному центру. Они — часть социальной ткани: здороваются с соседями, скидываются на ремонт подъезда, обсуждают погоду у лифта.

Но однажды в местном паблике или городской газете выходит статья. В ней нет их имен, но есть название их общины и набор жутких штампов: «вербовка», «экстремизм», «ритуальные преступления». А через неделю в почтовых ящиках

соседей появляются листовки, предупреждающие о «деструктивном культе», действующем в районе.

И тогда возникает стеклянная стена.

Соседка, с которой еще вчера обсуждали рецепты, перестает отвечать на приветствие. Она отводит глаза и прижимает к себе сумку, когда заходит с вами в лифт. Коллеги на работе внезапно замолкают, когда вы входите в кабинет. В родительском чате класса вас удаляют или просто игнорируют ваши сообщения.

Это социальная смерть. Человек физически присутствует, но социально он аннигилирован.

Самое страшное в этой метаморфозе то, что она иррациональна. Люди, знавшие семью годами, вдруг начинают верить не собственному опыту общения, а навязанному извне мифу. Механизм дегуманизации, запущенный медиа, оказывается сильнее личных связей. Сосед больше не видит в отце семейства инженера, который помог ему починить машину. Он видит «агента влияния» и «зомби».

Охота на детей: школьный фронт

Если взрослые могут выстроить психологическую защиту, то дети оказываются абсолютно беззащитны перед катком ненависти. Школа, которая должна быть местом безопасности, превращается для ребенка из семьи верующих в зону боевых действий.

Антикультовая пропаганда пересекается с образовательной сферой: в открытых источниках есть примеры совместных мероприятий РАЦИРС, церковных структур и региональных органов образования на тему «сект», «духовной безопасности» и «угроз школе и семье».

На этих семинарах участникам нередко предлагается смотреть на «нетрадиционные» религиозные группы через призму угрозы, риска и необходимости профилактического вмешательства.

Вооруженный этими «знаниями», учитель начинает видеть в еврейском ребенке не ученика, а проблему.

Начинается с мелочей. Занижение оценок. Язвительные комментарии по поводу внешнего вида или диеты. Учитель может публично, перед всем классом, задать вопрос: «А правда, что твои родители состоят в секте?». Этого достаточно, чтобы запустить механизм детской жестокости.

Сверстники, чутко улавливающие настроение взрослых, начинают травлю. Ребенок оказывается в вакууме. С ним никто не сидит за одной партой, его не зовут на дни рождения, его толкают в коридорах.

Но есть угроза страшнее буллинга. Это угроза изъятия.

Антикультовый дискурс часто описывает детей в религиозных меньшинствах как «жертв» манипуляции и психологического вреда, что создает почву для обращений в школы, органы опеки и иные инстанции.

Для родителей это становится постоянным кошмаром. Каждый звонок в дверь вызывает панику: не пришли ли за детьми?

Родители вынуждены жить в режиме осажденной крепости. Они инструктируют детей, что говорить, а что нет. Дом перестает быть местом отдыха, он становится бункером. И этот перманентный стресс сам по себе наносит травму, в которой потом цинично обвинят саму религию.

Ночь разбитых стекол: кейс семьи N

Чтобы не быть голословными, обратимся типовому описанию того, как может разворачиваться травля семьи после публичной кампании. Назовем эту семью N, чтобы не подвергать их новой опасности.

Семья N жила обычной жизнью, пока местный филиал антикультовой организации не выбрал их общину в качестве мишени для очередной кампании. В местных СМИ прошла серия «разоблачительных» материалов. В интернете были опубликованы личные данные активистов общины, включая адрес семьи N. Это называется доксинг — современная форма наводки погромщиков.

Результат не заставил себя ждать. Однажды ночью кто-то бросил бутылку с зажигательной смесью в открытое окно детской спальни. Быстрые действия родителей предотвратили катастрофу.

Представьте ужас матери, которая просыпается от звона разбитого стекла и запаха бензина в комнате, где спят её дети. Это не абстрактная «семантическая война». Это реальный огонь, который мог сжечь живых людей.

Но на этом террор не закончился. Физическое насилие сменилось экономическим удушением.

Через несколько недель отец потерял работу, потому что «такие люди, как он, не имеют места в престижной фирме». Оказалось, что кто-то позвонил его работодателю и ярко описал его участие в «преступной секте».

Это классическая тактика: лишить жертву средств к существованию. Звонок работодателю — эффективный и безопасный для агрессора метод. Руководитель фирмы, не желая проблем и репутационных рисков, предпочитает уволить сотрудника. Ему не нужны доказательства, ему достаточно «токсичного шлейфа».

Семья N оказалась в ситуации полной блокады. Отец не мог найти новую работу — слухи распространялись быстрее, чем он отправлял резюме. Попытки обратиться в полицию натыкались на стену равнодушия или даже враждебности: «Сами виноваты, нечего в секты вступать». В итоге, как финал абсурда, правоохранительные органы пришли не к поджигателям, а к самим жертвам, обвинив их в «финансировании экстремизма».

Индустрия «выхода»: бизнес на похищении

Одной из самых мрачных глав в истории преследования религиозных меньшинств является деятельность так называемых «консультантов по выходу» (exit counselors) или депрограмматоров.

Схема работает следующим образом. Родственники верующего (часто пожилые родители или супруги, далекие от религии), напуганные телепередачами о «страшных сектантах», обращаются в консультационный центр (например, при епархии или общественной организации). Там их встречают «психологи», которые подтверждают худшие опасения: «Ваш сын/дочь в смертельной опасности, его сознание контролируют, нужно срочно спасать».

«Спасение» стоит денег. Больших денег.

Что они получают за эти деньги? Фактически — услугу по похищению и незаконному удержанию человека.

Речь идёт, по сути, о форме заказного насилия: родственники платят за похищение и насильственное удержание своих близких с последующим их помещением в «реабилитационные» центры.

Человека могут схватить на улице, затолкать в машину и увезти в загородный дом или квартиру с решетками на окнах. Там его удерживают силой, лишают связи, иногда применяют психотропные препараты. К нему приходят «специалисты», которые часами ведут «беседы», требуя отречения от веры.

Любое сопротивление жертвы, её попытки апеллировать к закону или здравому смыслу трактуются как симптом болезни. «Видишь, как глубоко сидит в тебе секта? Ты агрессивен, ты не понимаешь, что мы желаем тебе добра». Это кафкианская ловушка: чем больше ты защищаешь свои права, тем больше тебя считают безумным.

Эта индустрия разрушает семьи навсегда. Даже если человеку удается вырваться (сбежать или добиться освобождения через полицию), пропасть между ним и родственниками, которые заказали его похищение, становится непреодолимой. Сын никогда не сможет доверять матери, которая наняла крепких парней, чтобы связать его и увезти в «реаб».

Антикультисты цинично называют это «воссоединением семей». На деле это убийство семьи.

Экономический апартеид: желтая звезда XXI века

Дегуманизация неизбежно ведет к дискриминации. Если группа людей объявлена «опасной», общество стремится исключить её из экономических отношений.

В нацистской Германии евреям запрещали заниматься определенными профессиями. В современной России мы видим гибридную форму этого запрета. Официально в Трудовом кодексе нет ограничений по религиозному признаку. Но на практике действует негласный запрет на профессию.

Бизнесмены, связанные с общиной, клеймённой как «секта», сталкиваются с внезапными разрывами контрактов. Арендодатели отказывают в продлении аренды помещений для магазинов или офисов, если узнают, что владелец — сектант.

В марте 1997 года был раскрыт секретный приказ Федерального агентства по труду Германии, обязывающий государственные центры занятости помечать предприятия, подозреваемые в принадлежности саентологам, буквой «S» в компьютерных файлах

В России роль такой литеры «S» могут выполнять неформальные внутренние проверки и «токсичные» досье, если работодатели или службы безопасности ориентируются на публичную стигматизирующую информацию. Человек приходит устраиваться на работу в крупную компанию, проходит собеседование, но на этапе проверки получает отказ. Почему? Потому что в чьей-то системе напротив его фамилии уже стоит клеймо: «связь с деструктивным культом».

Это создает экономическое гетто. Верующие вынуждены нанимать только «своих», вести бизнес только внутри общины, что, в свою очередь, дает антикультистам новый повод для обвинений в «закрытости» и «создании государства в государстве». Круг замыкается.

Психология осажденной крепости

Как чувствует себя человек, живущий под прицелом?

Верующий, идущий на молитву, подсознательно сканирует пространство: нет ли подозрительных машин? Не снимает ли кто-то на телефон? Не провокатор ли этот новый человек, который пришел задать правокационные вопросы?

Открытость и доверие — базовые ценности — подвергаются эрозии. Люди начинают бояться незнакомцев. Община капсулируется.

Особенно тяжело это сказывается на неофитах — людях, которые только начинают свой путь к вере. Они приходят искать духовности и света, а попадают в атмосферу тревоги и обороны. Многих это отпугивает. И это тоже одна из

целей антикультовой стратегии: сделать цену входа в общину слишком высокой для обычного человека.

Механизм расчеловечивания

Почему общество позволяет этому происходить? Почему соседи, учителя, клерки участвуют в травле?

Ответ кроется в психологии дегуманизации. Чтобы причинить зло другому человеку, нужно сначала перестать видеть в нем равного себе. Нужно превратить его в объект.

Антикультовая пропаганда использует зооморфные метафоры («паразиты», «опухоль», «спрут») именно для этого.

Дегуманизация — это представление людей как менее человеческих или как чуждых и низших, а медиафреймы могут усиливать стигму и снижать эмпатию, делая дискриминацию более приемлемой.

Когда обыватель читает про «биополитику» и «контроль сознания», он перестает видеть перед собой отца семейства, который любит своих детей. Он видит «биоробота», единицу враждебной системы. А к биороботу неприменимы нормы морали. Его не жалко. Его можно уволить, оскорбить, ударить.

Это страшная анестезия совести. Люди совершают подлости с чувством выполненного гражданского долга. Учительница, травящая ребенка, искренне верит, что она спасает школу от «заразы». Полицейский, подбрасывающий улики, считает, что борется с «иностранной агентурой».

Точка невозврата

Мы часто говорим о «репутационных рисках» или «политических последствиях». Но давайте посмотрим правде в глаза: речь идет о разрушении самой сути человечности.

Цена дегуманизации — это не только разбитые окна и потерянные деньги. Это искалеченные души детей, которые вырастают с ощущением, что мир их ненавидит. Это разрушенные отношения между родителями и детьми. Это

страх, который въедается в подкорку и остается там навсегда, даже если гонения прекратятся.

Этот рисунок становится метафорой состояния общества, в котором человек понимает, что его голос не имеет значения, потому что на него наклеен ярлык, мы перешли черту, за которой заканчивается цивилизация и начинается варварство. И это варварство уже здесь, оно не стучится в дверь — оно уже сидит в наших гостиных, вещая с экранов телевизоров.

Глава 9. Тени прошлого: нацистские корни антикультизма

История человечества любит злые шутки, но самая жестокая из них — это иллюзия новизны. Когда мы читаем современные отчеты «сектоведов», когда слышим с экранов телевизоров термины «деструктивный культ» и «духовная безопасность», нам кажется, что мы имеем дело с продуктом современной эпохи. Нам представляется, что эта риторика родилась в ответ на вызовы глобализации, информационных войн или появления «нью-эйдж» течений.

Это опасное заблуждение. То, что сегодня подается как передовая социологическая экспертиза или забота о нравственности нации, на самом деле является реактивацией гораздо более старых моделей стигматизации и контроля.

Если аккуратно, слой за слоем, снять с современной антикультовой риторики налет псевдонаучной терминологии и юридического новояза, под ним обнаружатся старые европейские практики каталогизации «опасных» мировоззрений, тесно связанные с церковной апологетикой, полицейским надзором и антисемитскими теориями первой половины XX века.

В этой главе мы спустимся в подвалы истории, чтобы найти тот самый «нулевой пациент» вируса ненависти, который сегодня мутировал и вновь атакует общество.

Теолог в коричневой рубашке

У истоков любой катастрофы стоит не палач с топором, а интеллектуал с пером. Палач лишь исполняет работу, смысл которой обосновал теоретик. Для нацистского террора одним из таких идеологов церковно-апологетического фронта был протестантский пастор и теолог Вальтер Кюннет.

Имя этого человека редко звучит в учебниках истории, однако в критических реконструкциях истории антикультовой мысли его нередко рассматривают как одну из ключевых фигур, соединивших церковную апологетику с государственным надзором за «сектами» и религиозными меньшинствами. В 1932 году, за год до прихода нацистов к власти, Кюннет возглавил в Германии структуру с безобидным названием — Апологетический центр (Apologetischen Centrale). Официально задача центра заключалась в защите христианской веры от ересей и идеологических вызовов времени. Фактически же Кюннет превратил богословие в полицейскую функцию.

В ранних текстах и выступлениях Кюннета периода 1933 года еврейство рассматривалось не только как религиозная, но и как народно-национальная и культурно-политическая проблема, что отражало опасное сближение богословского анти-иудаизма с языком националистического государства.

Кюннет назвал иудаизм чуждым телом внутри христианской германской нации. Запомните эту метафору. Она станет краеугольным камнем всей последующей архитектуры ненависти. Если нация — это единый биологический организм, то любая группа, не желающая растворяться в общей массе, оказывается представлена как болезнь или угроза.

Деятельность Apologetische Centrale была направлена на сбор и систематизацию материалов о широком круге «сект», мировоззрений и религиозных движений. В поле внимания центра находились религиозные меньшинства, свободомыслящие, оккультисты, мировоззренческие группы и другие формы «отклонения» от нормативного христианско-национального порядка.

Симбиоз креста и свастики

Сотрудничество Апологетического центра с нацистским режимом в ранний период нацистской власти включало как минимум добровольные элементы и реальный обмен материалами с репрессивными органами.

16 декабря 1933 года Кюннет писал в служебном сообщении, что «Гестапо выразило большой интерес к архиву сект Апологетического центра и к нашей работе против свободомыслия, марксизма и большевизма. Гестапо выразило желание в будущем совместно с Апологетическим центром вести борьбу с нелегальным свободомыслием. Обмен материалами между Гестапо и Апологетическим центром уже начался».

Это момент истины. Церковная организация добровольно стала источником информации для тайной полиции и партнером по обмену данными о религиозных и мировоззренческих меньшинствах. Пасторы и теологи собирали досье на «неблагонадежные» группы и передавали их государственным органам.

Механика этого процесса до боли напоминает деятельность современных центров вроде РАЦИРС. Сначала «эксперты» Кюннета публиковали материалы, демонизирующие ту или иную группу, обвиняя её в антигосударственной деятельности и моральном разложении. Затем, опираясь на эти материалы как на основание для подозрения, в дело вступали органы политической полиции.

Распоряжение Гейдриха о подавлении деятельности сект и аресте их членов базировалось на списках, составленных в тишине кабинетов Апологетического центра. Историк Хорст Юнгингер приводит статистику, от которой стынет кровь: если в 1931 году в поле зрения центра было около 150 групп, то к 1936 году в «черных списках» числилось уже 500 организаций.

Аппетит репрессивной машины рос по мере того, как теологи расширяли определение «врага». Всё большее число религиозных и мировоззренческих сообществ, сохранявших автономную идентичность и не растворявшихся в нормативном христианско-национальном порядке, объявлялось опасным отклонением или «сектой».

Технология расчеловечивания: наследие

Нацизм пал в 1945 году. Нюрнбергский трибунал осудил верхушку Рейха. Но идеи, как вирусы, способны переживать своих носителей. Вальтер Кюннет, человек, давший теологическое обоснование геноциду, не сел на скамью подсудимых. Более того, он продолжил академическую карьеру.

В 1946 году, когда печи Освенцима еще не остыли, Кюннет стал почетным членом богословского факультета Эрлангена, а в 1946 году стал членом Баварского земельного синода; в 1953 году он занял кафедру Вернера Элерта в Эрлангене. Он продолжал учить студентов, писать книги и оставаться респектабельным теологом, несмотря на крайне проблематичное наследие своего раннего рейховского периода.

В послевоенные годы он сохранял готовность оправдывать крайнее насилие в рамках богословско-политических рассуждений. Спустя тринадцать лет после Хиросимы этот «христианский мыслитель» заявил: «Cannot the possession of nuclear armaments in a highly paradoxical way constitute a political mode of loving thy neighbor?» («Разве обладание ядерным оружием, в силу своего рода парадокса, не может представлять собой политический способ проявления любви к ближнему?»)

Эта фраза — ключ к пониманию психологии антикультизма. Ради высшей цели (чистоты веры, нации, государства) допустимо любое насилие. Уничтожение миллионов может быть актом «любви».

Именно в послевоенной Германии, в аудиториях и церковных структурах, где продолжали работать такие фигуры, как Кюннет, формировалась цепь преемственности, которая тянется к современному антикультизму.

Одним из заметных продолжателей этой линии стал Фридрих-Вильгельм Хаак. В 1964 году он был назначен уполномоченным по вопросам сект и мировоззрения Евангелическо-лютеранской церкви в Баварии. В критических реконструкциях истории антикультизма Хаак рассматривается как важный мост между послевоенной немецкой апологетикой и новым европейским антикультовым движением. Он передал эстафету дальше — датскому теологу Йоханнесу Огорду.

Датский связной: Йоханнес Огорд

Если Кюннет был теоретиком, то Йоханнес Огорд стал одним из менеджеров европейского антикультизма. **Он основал Dialog Center в 1973 году.** Основатель «Диалог-Центра» (1973), Огорд был фигурой харизматичной и авторитарной. Очевидцы и критики описывали его как лидера, не терпящего возражений. Ирония судьбы: человек, посвятивший жизнь борьбе с «гуру», сам воспроизводил тип лидерства, очень похожий на культовый.

Огорд модернизировал наследие Кюннета. Он понял, что в демократическом мире нельзя просто призывать к уничтожению инакомыслящих. Нужна новая упаковка. Вместо расовой теории он предложил теорию «психологического насилия» и «контроля сознания».

Суть осталась прежней: есть «правильные» религии и есть «деструктивные культы». Но теперь критерием стала не кровь, а «методы воздействия». Это позволило антикультистам атаковать новые религиозные движения, а заодно и старые, неудобные группы, обвиняя их в «зомбировании».

Именно Огорд стал учителем и наставником Александра Дворкина. Российский «сектовед» не просто слушал лекции датчанина; он стал его духовным наследником. Связь здесь прямая, задокументированная и нескрываемая. Методология РАЦИРС — это калька с методологии «Диалог-Центра», которая, в свою очередь, растет из Апологетического центра Кюннета.

Архивы молчат

История «Диалог-Центра» и его связей с нацистским прошлым — это тайна за семью печатями. Исследователь Владимир Мартинович отмечает парадоксальный факт: «Диалог-Центр» был крупнейшей антисектантской организацией XX века, но о нем нет серьезных научных исследований.

Архивы организации либо уничтожены, либо надежно спрятаны в Дании. Почему? Чего боятся наследники Огорда?

Ответ напрашивается сам собой. Если открыть эти архивы, рухнет миф о «правозащитной» природе антикультизма. Станет очевидно, что вся эта деятельность — не защита граждан, а продолжение тоталитарной практики контроля над сознанием. Станет видна «пуповина», связывающая современных экспертов с ведомством Гиммлера.

Давайте отложим в сторону эмоции и посмотрим на факты. Сравним методы Апологетического центра 1930-х годов и методы современной антикультовой сети в России. Сходство не просто поразительное — оно структурное.

• Создание реестров. Кюннет начал с составления списков «сект». РАЦИРС и их союзники постоянно лоббируют создание официальных списков «деструктивных организаций». Попадание в такой список означает гражданскую смерть.

• Дегуманизация через медицину. Нацисты использовали термины «бацилла», «паразит», «раковая опухоль». Современные сектоведы используют термины «вирус», «психическая инфекция», «социальная болезнь». Язык изменился минимально. Смысл тот же: оппонент — не человек, а патология.

• Симбиоз с репрессивным аппаратом. Апологетический центр Кюннета обменивался материалами с Гестапо по религиозным меньшинствам. В российском случае надежно подтверждается тесное взаимодействие антикультовой среды с чиновниками, экспертными советами и силовым дискурсом.

• Миф о заговоре. Кюннет пугал немцев «еврейским засильем» и «государством в государстве». Современные пропагандисты пугают россиян «Новой Хазарией» и «агентами западных спецслужб».

• Коллективная ответственность. В Третьем Рейхе преследовали не за конкретные преступления, а за принадлежность к группе. Сегодня мы видим то же самое: если организацию признают «экстремистской» или «нежелательной», виновным становится каждый, кто просто читает её книги или посещает собрания.

Это не случайные совпадения. Это работа одной и той же операционной системы, инсталлированной в разные исторические эпохи.

Обыкновенный фашизм 2.0

Когда мы смотрим на кадры хроники 1930-х годов, где толпа сжигает книги, нам кажется это дикостью. Но когда сегодня российский суд, основываясь

на спорной экспертизе, признает священную книгу экстремистской и постановляет её уничтожить, — разве это не тот же самый костер? Только теперь он горит не на площади, а в бюрократической процедуре уничтожения вещдоков.

Антикультизм — это фашизм для бедных. Это фашизм, который не может (пока) построить концлагеря, но уже строит ментальные гетто.

Идеологическая база, заложенная Кюннетом, оказалась универсальной. Она работает против евреев, против протестантов, против йогов. Она работает везде, где нужно обосновать право большинства подавлять меньшинство.

Особенно цинично это выглядит в стране, победившей нацизм. Россия, заплатившая чудовищную цену за освобождение мира от коричневой чумы, сегодня позволяет действовать на своей территории организации, которая является прямым идеологическим наследником врага. Потомки победителей используют оружие побежденных.

Современные лидеры антикультового движения, такие как Александр Дворкин, прекрасно знают свою родословную. История связей между Кюннетом, Хааком, Огордом и позднейшим антикультовым движением остается на периферии публичного разговора, хотя именно она помогает понять происхождение используемых сегодня методов.

Но шила в мешке не утаить. Документы всплывают. Исторические параллели становятся слишком очевидными.

Когда Евгений Никифоров, директор радиостанции «Радонеж», в 2023 году говорил о необходимости «хирургии» и применения «Солнцепека» для «выжигания» врагов, эта риторика действительно звучала как крайняя форма дегуманизации и оправдания уничтожающего насилия. Это та же самая логика: уничтожение живых людей ради абстрактной идеи. «Атомная бомба во имя любви».

Трагедия ситуации заключается в том, что общество не видит этой связи. Для обывателя «борьба с сектами» — это что-то полезное, вроде санитарной обработки. Люди не понимают, что, поддерживая гонения на Хабад или Свидетелей Иеговы, они своими руками восстанавливают фундамент Рейха.

Нацизм начинался не с газовых камер. Он начинался со списков «неблагонадежных организаций». Он начинался с лекций профессоров о вреде «чуждых культов». Он начинался с того, что общество согласилось: есть люди «первого сорта» (традиционные) и люди «второго сорта» (сектанты).

Сегодня мы стоим на той же развилке. Механизм запущен. Списки составляются. Экспертизы пишутся.

Образ архивной фотографии апологетического центра хорошо передает главное: люди, запускавшие механизм исключения и преследования, нередко выглядели не как чудовища, а как респектабельные специалисты, обсуждающие бумаги за столом.

Если присмотреться к этой фотографии, а потом взглянуть на фото с заседаний современных экспертных советов по религиоведению, можно заметить пугающее сходство. Не в лицах, нет. В выражении глаз. Это взгляд людей, которые присвоили себе право решать, кому быть, а кому — исчезнуть. И этот взгляд не изменился за сто лет.

Тени прошлого не исчезли в полдень. Они удлинились и накрыли собой настоящее. И пока мы не назовем эти тени их настоящими именами, пока мы не признаем, что «сектоведение» в его нынешнем виде — это реинкарнация нацистской апологетики, мы будем обречены ходить по кругу истории, каждый раз наступая на одни и те же окровавленные грабли.

Глава 10. Симбиоз со спецслужбами: агенты в рясах

В кабинетах некоторых государственных служащих можно наблюдать любопытную деталь интерьера: икона, стоящая рядом с портретом Феликса Дзержинского. Для непосвященного наблюдателя это может показаться оксюмороном, странным сочетанием несочетаемого — символа атеистического террора и символа веры. Однако для тех, кто понимает глубинную механику

процессов, происходящих в современной России, в этом натюрморте нет никакого противоречия. Это не конфликт идеологий, это гармония методов.

Мы подошли к, пожалуй, самой темной и закрытой части нашего расследования. До сих пор мы рассматривали антикультовую сеть как общественное движение, пусть и агрессивное, использующее медиа и суды. Но общественная организация, даже самая влиятельная, не обладает правом на легитимное насилие. У неё нет права проводить обыски, прослушивать телефоны, вербовать агентуру и возбуждать уголовные дела.

Чтобы превратить ненависть в системную репрессивную практику, необходим симбиоз с теми, у кого эти права есть.

В этой главе мы вскроем анатомию альянса между «сектоведами» и спецслужбами. Мы увидим, как религиозные активисты становятся внештатными сотрудниками политического сыска, а офицеры, призванные защищать конституционный строй, превращаются в исполнителей воли религиозных фанатиков.

Чтобы понять природу этого союза, необходимо вернуться назад, в эпоху, когда нынешние кураторы «духовной безопасности» только начинали свою карьеру. Связь между церковными структурами и органами госбезопасности — это не новообразование постсоветского периода. Это родовая травма, зафиксированная в архивах.

В начале 1990-х годов, в короткий период открытости, была создана парламентская комиссия Верховного Совета РФ, получившая доступ к архивам КГБ СССР. Священник и правозащитник Глеб Якунин, работавший с этими документами, описывал их как «опечатанные тома салатового цвета с грифами «Секретно» и «Совершенно секретно». Содержание этих папок шокировало даже тех, кто не питал иллюзий относительно советской власти.

Документы свидетельствовали о глубокой инфильтрации агентуры в церковную среду. Речь шла не просто о лояльности государству, а о прямом оперативном управлении.

В отчетах 4-го отдела 5-го управления КГБ фигурировали агенты с псевдонимами «Аббат», «Адамант», «Михайлов», «Островский». За этими кличками скрывались высокие церковные иерархи, чьи имена позднее стали

общеизвестны благодаря публикациям Якунина и связанным с ними расследованиям.

Масштаб сотрудничества был промышленным. В июле 1983 года на VI Генеральную ассамблею Всемирного Совета Церквей в Ванкувер была отправлена делегация РПЦ из 120 человек. Согласно архивам КГБ, 47 из них были агентами органов госбезопасности. Почти половина «религиозной» делегации состояла из людей, чьей задачей была не молитва, а выполнение оперативных заданий.

Зачем мы вспоминаем это сейчас? Потому что система не исчезла вместе с распадом СССР. КГБ сменил вывеску на ФСБ, а методы и связи частично пережили саму систему. Люди, воспитанные в логике политического контроля над религиозной жизнью, сохранили главное — восприятие любой независимой религиозной активности как потенциальной угрозы.

Те самые люди, которые в 80-е годы писали отчеты кураторам о настроениях в приходах, в 90-е и 2000-е стали архитекторами новой государственно-конфессиональной политики. Они принесли с собой специфическую культуру: восприятие любой независимой религиозной активности как оперативной угрозы.

Константин Харчев, председатель Совета по делам религий в СССР, с циничной откровенностью признавал: «Мы заботились о том, чтобы на наиболее значимые должности были назначены наиболее аморальные и растленные люди». Именно эта селекция создала почву, на которой взошли семена современного антикультизма. Люди, привыкшие торговать совестью в обмен на карьеру, стали идеальными партнерами для новых репрессивных кампаний.

2011 год: великая мутация силовиков

Однако старых связей было недостаточно для развертывания полномасштабной войны против религиозных меньшинств. Нужен был институциональный механизм. И он появился в результате институционального укрепления Центров по противодействию экстремизму в системе МВД в конце 2000-х — начале 2010-х годов.

Это был поворотный момент, который часто упускают из виду политологи, но который прекрасно помнят практики. После реформирования прежних антикриминальных и антиорганизованно-преступных структур часть силового аппарата была перепрофилирована на тематику «экстремизма», а Центры «Э» стали заметным инструментом внутреннего политического контроля.

Оперативники УБОП — это специфическая каста. Как вспоминал бывший сотрудник РАЦИРС Валерий Отставных, это люди, привыкшие работать с жестким криминалом, а затем оказавшиеся встроенными в новую систему борьбы с экстремизмом.

И вот, в одночасье, эти структуры перепрофилируют. На базе УБОП создаются Центры по противодействию экстремизму (Центры «Э»).

Возникает вакуум компетенции. Вчерашний опер, который ловил бандитов, теперь должен ловить «экстремистов». Но где их взять? Реальных террористов и экстремистов не так много, чтобы обеспечить отчетность огромному аппарату, развернутому по всей стране.

Поначалу, как свидетельствуют инсайдеры, силовики пытались работать по националистам. Но этот ресурс быстро иссяк. В рассказах бывших участников антикультовой среды этот момент описывается как поиск новых удобных целей для отчетности.

Именно в этот момент на пороге Центров «Э» появились «сектоведы».

Это была классическая сделка: спрос встретил предложение. Силовикам нужны были враги для отчетности. Антикультистам нужны были дубинки для устранения конкурентов.

Представители РАЦИРС пришли к растерянным полицейским с готовым решением. «Вам не с кем бороться? — сказали они. — Посмотрите вокруг. Вот сектанты, вот пятидесятники, вот кришнаиты. Это не просто верующие, это скрытые экстремисты. Мы дадим вам адреса, мы напишем справки, мы объясним, в чем их вина».

Так произошла подмена понятий, имеющая катастрофические последствия. Методы борьбы с организованной преступностью были механически перенесены на законопослушных граждан.

РАЦИРС как разведывательная сеть

Если взглянуть на деятельность Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) через призму этой сделки, становится понятно, что перед нами не просветительская и даже не религиозная организация. Это квази-разведывательная структура, работающая в тесном симбиозе с государственным репрессивным аппаратом.

Функционал региональных отделений РАЦИРС удивительно напоминает работу резидентуры. Их главная задача — сбор информации.

Валерий Отставных приводит гротескный, но показательный пример из Тульской области. Местный архиерей с гордостью докладывал Александру Дворкину о профессионализме своих сотрудников: они знают даже, «какое у местного пастора белье сушится на балконе».

Задумайтесь над этой деталью. Зачем «богословам» знать о белье пастора? Это не имеет никакого отношения к догматике или каноническому праву. Это чистой воды оперативная разработка. Сбор компромата, поиск уязвимостей, фиксация бытовых деталей для психологического давления.

С появлением социальных сетей методы сбора информации эволюционировали. Теперь не нужно стоять под окнами. Сотрудники миссионерских отделов, действуя как кибер-шпионы, мониторят аккаунты членов общин. Они создают фейковые профили, вступают в закрытые группы, провоцируют дискуссии.

Особой популярностью пользуется метод «Васи-дурачка». Агент РАЦИРС под вымышленным именем пишет в общину: «Я хочу узнать истину, но слышал, что у вас все плохо, расскажите...». Цель — спровоцировать верующего на эмоциональный ответ, на критику властей или других конфессий, чтобы потом заскринить переписку и приложить её к заявлению в прокуратуру как доказательство «экстремизма».

Это называется «оперативный эксперимент» или «провокация». Но если сотрудники полиции связаны хоть какими-то процессуальными нормами при проведении таких мероприятий, то «православные активисты» не связаны

ничем. Они действуют в серой зоне, выполняя грязную работу, которую официально силовикам делать неудобно.

Инфильтрация: агенты внутри

Сбор информации извне — это только первый уровень. Следующий этап — внедрение.

По свидетельствам бывших участников и критиков антикультовой среды, практика внедрения лояльных людей внутрь религиозных общин воспринималась как часть арсенала давления. Человек приходит в синагогу или церковь, проявляет активный интерес, становится волонтером, втирается в доверие к лидерам.

Его задача — не духовный поиск. Его задача — найти финансовые документы, записать на диктофон внутренние разговоры, узнать о личных конфликтах или проблемах с законом у членов общины.

Часто такие внедренные агенты действуют по сценарию «обиженного». Спустя какое-то время этот «активный прихожанин» вдруг начинает громко скандалить, обвинять руководство в мошенничестве или психологическом насилии. Он пишет заявление в полицию, выступает в СМИ как «жертва секты», дает показания в суде.

Для внешнего мира это выглядит как крик души пострадавшего человека. Для тех, кто знает механику, это классическая спецоперация по развалу организации изнутри.

В архивах Третьего Рейха есть документы, описывающие аналогичную тактику СД (службы безопасности СС). В 1937 году некий «бывший адвентист» написал донос, который привел к запрету организации за два дня. Современные российские «сектоведы» воспроизводят эту схему с пугающей точностью. Они создают «потерпевших» там, где их нет, конструируя повод для репрессий.

Симбиоз держится не только на обмене информацией, но и на идеологической накачке. Чтобы полицейский с чистой совестью преследовал безоружных верующих, его нужно убедить, что перед ним — враг, более опасный, чем убийца с ножом.

Лидеры антикультового движения — Александр Дворкин, Александр Новопашин и другие — стали штатными лекторами для силовых структур. Они регулярно выступают в академиях МВД, на курсах повышения квалификации для сотрудников ФСБ и прокуратуры.

О чем они говорят людям в погонах?

Они рассказывают о «гибридной войне», о том, что секты — это «иностранные агенты влияния», «пятая колонна», «биологическое оружие Запада». Они используют терминологию войны, а не права.

В выступлениях Новопашина и близких к нему фигур религиозное инакомыслие нередко увязывается с геополитической угрозой, моральным разложением и необходимостью жестких защитных мер.

Особую роль играет запугивание примерами вроде трагедии в Уэйко (США). Полицейским внушают: «Если вы не ударите первыми, эти фанатики устроят массовое самоубийство или теракт». Создается презумпция виновности. Любая община рассматривается как спящая террористическая ячейка.

Психологический эффект такой обработки колоссален. Сотрудник Центра «Э», прошедший курс «сектоведения», теряет способность к критическому восприятию реальности. Это профессиональная деформация, индуцированная извне. Государство фактически отдало идеологическую подготовку своих силовиков на аутсорсинг радикальной группировке.

Административный ресурс: «Дивеевское братство» и Минюст

Связка «сектоведы – силовики» была бы невозможна без покровительства на самом верху. И здесь мы выходим на уровень, где заканчиваются полномочия майоров и полковников, и начинаются интересы генералов и министров.

Ключевым звеном в легализации РАЦИРС стал Александр Коновалов, занимавший пост министра юстиции РФ. Валерий Отставных называет его своим «соучеником» по Свято-Тихоновскому университету, где они оба слушали лекции Дворкина.

Именно при Коновалове был создан Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы, который возглавил Дворкин.

Это назначение превратило частную лавочку борцов с сектами в государственный орган инквизиции.

Получив статус при Минюсте, Дворкин и его команда получили возможность влиять на регистрацию и ликвидацию религиозных организаций по всей стране. Их частное мнение стало законом.

Но еще более влиятельной силой, стоящей за спиной антикультистов, источники называют так называемое «Дивеевское братство». Это неформальный элитный клуб, объединяющий высокопоставленных чиновников, руководителей госкорпораций и силовиков, объединенных специфическим пониманием православия и патриотизма.

Для этой группы антикультовая повестка — часть государственной идеологии. Они рассматривают Россию как осажденную крепость, а любые связи с зарубежными религиозными центрами — что естественно для католиков, протестантов или иудеев — как пробоину в обороне.

Критики антикультовой среды объясняют её устойчивость и непотопляемость именно наличием высокоуровневого покровительства и плотных неформальных связей.

Экономика репрессий: взаимная выгода

Было бы наивно полагать, что этот союз держится только на идеологии. У него есть и вполне прагматичный, экономический фундамент.

Для силовиков борьба с «сектами» — это удобный способ улучшения статистики. Раскрыть реальную террористическую ячейку сложно и опасно. Найти экстремизм в религиозной книге, — легко и безопасно. Звездочки на погоны падают те же, а риска никакого.

Кроме того, «сектантские» дела часто имеют коммерческую подоплеку. Ликвидация религиозной организации означает конфискацию её имущества. Здания, земли, счета — все это становится трофеем.

Для РАЦИРС сотрудничество с государством — это доступ к грантам и ресурсам. Под программы «профилактики экстремизма» и «духовной

безопасности» дружественные структуры получают бюджетное и грантовое финансирование.

Это замкнутый цикл: государство платит «общественникам» за то, чтобы они находили врагов, а потом платит силовикам за то, чтобы они с этими врагами боролись. Все при деле, бюджеты осваиваются, отчеты пишутся. Страдают только люди, попавшие в жернова этой машины.

Технология «Чужими руками»

Особый цинизм ситуации заключается в том, что спецслужбы используют антикультистов для выполнения задач, которые они не могут выполнить законно.

Если ФСБ хочет закрыть неугодную организацию, но нет правовых оснований, в дело вступают «православные активисты». Они организуют пикеты, пишут массовые жалобы, создают «общественный резонанс».

В СМИ появляется серия статей о «страшной секте». Затем «возмущенные граждане» (координируемые РАЦИРС) требуют от властей принять меры. И власть, «идя навстречу пожеланиям трудящихся», начинает проверки.

Это технология легализации произвола. Инициатива якобы исходит от народа. Силовики лишь реагируют. Руки чисты.

Организаторами этих кампаний всегда выступали структуры, аффилированные с РАЦИРС, но действовали они в тесной связке с кураторами из органов.

Исповедь перебежчика

Свидетельства бывших участников системы, таких как Валерий Отставных, бесценны, потому что они разрушают миф о «духовной борьбе». Они показывают изнанку — циничную, бюрократическую и жестокую.

Отставных рассказывает, как ему, верующему человеку, стало «западло» сотрудничать с Центром «Э». Он увидел, что борьба за веру превратилась в полицейскую операцию. В его интервью прямо говорится о контактах людей из

Центра «Э» с церковной средой и о том, как эта связка встраивалась в антикультовую практику.

«Волна сама к ним пришла», — говорит он о взлете Дворкина. Антикультисты оказались востребованы в момент, когда государство начало искать внутренних врагов. Они стали идеальным инструментом для новой эпохи — эпохи подозрительности и изоляции.

Но цена этого успеха — полное моральное разложение.

Точка невозврата

Мы видим картину пугающей целостности. РАЦИРС — это не клуб по интересам. Это внештатное подразделение политической полиции, закамуфлированное под религиозную организацию.

Их офисы — это филиалы спецслужб. Их базы данных — это оперативные картотеки. Их лекции — это инструктажи по выявлению врагов народа.

Опасность этого симбиоза в том, что он неконтролируем. Когда фанатизм получает в руки дубинку государственной власти, тормоза отказывают. Офицер, поверивший в то, что он ведет священную войну, способен на любое преступление. А фанатик, почувствовавший за спиной силу государства, теряет последние остатки человечности.

В такой системе ликвидация общины начинает восприниматься как «победа», а вынесенный против верующих приговор — как показатель успешной службы.

Симбиоз состоялся. Вирус проник в кровеносную систему государства и подчинил её себе. Теперь иммунная система страны атакует собственные здоровые клетки, принимая их за врагов. И пока этот морок не рассеется, никто — ни хасид, ни баптист, ни просто инакомыслящий — не может чувствовать себя в безопасности. Потому что в антикультовой логике виновен каждый, кто не марширует в ногу.

Глава 11. Экспорт ненависти: американский фронт

Океан, разделяющий континенты, принято считать надежным буфером. Мы привыкли думать, что политические штормы, бушующие в России, затихают, не доходя до берегов Потомака, а американские культурные войны растворяются в водах Атлантики, не достигая Москвы. Однако в мире идей, особенно идей, заряженных ненавистью, география больше не имеет значения.

Если предыдущие главы нашего расследования были посвящены внутренней механике российских репрессий, то теперь мы должны расширить масштаб карты. То, что казалось локальной кампанией по «защите духовных скреп» внутри Садового кольца, на поверку оказывается частью глобальной операции.

Мы вступаем на территорию парадоксов, где логика, казалось бы, должна сломаться, но вместо этого она выстраивается в циничную и эффективную схему. В России движение Хабад-Любавич клеймят как «агентов ЦРУ» и «инструмент американского влияния». Но стоит пересечь океан, как в части американской конспирологической и антикультовой среды появляются зеркальные обвинения, представляющие Хабад как структуру, якобы связанную с Трампом, Россией или Кремлем.

Это не просто хаотическое противоречие. Это холодный расчет. Это экспорт ненависти, превративший еврейскую общину в разменную монету в большой геополитической игре, где ставки — не просто репутация одной религиозной группы, а стабильность демократических институтов Запада.

Зеркальная ловушка: технология двойного обвинения

В разведке существует понятие «легендирования», когда агенту создают вымышленную биографию. В информационной войне используется более изощренный метод — «зеркальное обвинение». Его цель — лишить жертву любой возможности найти союзников.

Представьте положение общины Хабад. В России на них давят силовики и «патриотическая общественность», обвиняя в работе на Вашингтон. Логично было бы предположить, что в США, в условиях жесткого противостояния с Россией, они найдут поддержку как жертвы путинского режима. Но здесь их встречает вторая волна атаки. В американской конспирологической и антикультовой среде можно встретить обратный тезис: Хабад пытаются представить как структуру, связанную с Трампом, Кушнером, Путиным или более широкой сетью авторитарного влияния.

В результате создается зона тотального отчуждения. Хасид оказывается чужим везде. В Москве он — «американский шпион», в Нью-Йорке — «русский диверсант».

Этот феномен подробно описан в аналитических материалах, вскрывающих связи между РАЦИРС и их западными партнерами.

В критических публикациях о международном антикультизме указывается на зеркальный характер этих обвинений — в России Хабад демонизируется как инструмент США, а в США враждебные комментаторы могут подавать его как элемент «трампистско-кремлевской» сети.

Абсурдность ситуации очевидна любому непредвзятому наблюдателю. Невозможно одновременно служить двум враждующим господам, находящимся в состоянии прокси-войны. Если бы Хабад действительно был инструментом Кремля, российская пропаганда носила бы их на руках. Но вместо этого мы видим синхронную травлю.

Эта синхронность доказывает, что мы имеем дело не с разрозненными группами активистов, а с единой сетью, управляемой из одного центра. Центр этот не интересуется истиной. Его задача — создать «идеального врага», который будет удобен для демонизации в любой политической системе.

Американские антикультисты

Кто же осуществляет эту операцию на американской земле? Имена этих людей известны, они публичны, они выступают на телевидении и пишут книги. Но если присмотреться к их биографиям и связям, за фасадом «независимых

экспертов» проступают контуры той самой паутины, в которой антикультовая риторика легко соединяется с конспирологией и политической поляризацией.

Одной из ключевых фигур является Рик Алан Росс. Росс — американский депрограмматор и основатель Cult Education Institute. Надежно подтверждается его многолетняя роль в антикультовом движении и то, что его имя упоминается в критических материалах о западной поддержке репрессий против новых религиозных движений, в том числе в китайском контексте.

Другой значимой фигурой является Стивен Хассен. Автор модели BITE, он пошел дальше, превратив антикультовую риторику в политическое оружие. Хассен активно продвигал идею о том, что поддержка Дональда Трампа может быть понята через призму культовой динамики и манипулятивного влияния, в том числе в книге The Cult of Trump. В своей книге «Культ Трампа» он применяет психиатризирующую и антикультовую терминологию к массовому политическому поведению. Хассен работает на создание эмоционального барьера, блокирующего рациональное восприятие.

Конспирологический квартет: Трой и Стюартсон

Если Росс и Хассен пытаются сохранять видимость академичности, то такие персонажи, как Дэйв Трой и Джим Стюартсон, работают в жанре откровенной конспирологии, граничащей с безумием QAnon, только вывернутым наизнанку.

Дэйв Трой, позиционирующий себя как борец с дезинформацией, низвестен как комментатор и публичный спикер по темам сетевой дезинформации, QAnon и авторитарных сетей влияния. Он рисует сложные схемы, где стрелочками соединены Владимир Путин, Биньямин Нетаньяху, Дональд Трамп и любавичские хасиды.

В его интерпретации Хабад — это связующее звено глобального заговора автократов. Он утверждает, что «экстремистские раввины Хабада» управляют Джаредом Кушнером и Иванкой Трамп. Эта риторика до боли напоминает «Протоколы сионских мудрецов», только переведенные на язык Twitter-тредов и TED-talks.

Джим Стюартсон идет еще дальше. ADL упоминала Стюартсона в контексте антисемитизма и дезинформации, он прямо заявлял: «Хабад — это экстремистская секта Кушнера…»

Задумайтесь над этой фразой. В ней нет логики, но есть мощный эмоциональный заряд. Она связывает воедино все страхи либерального американца: страх перед Трампом, страх перед Россией и скрытый, подсознательный страх перед «еврейским влиянием».

Эти люди — не городские сумасшедшие. Они — инфлюенсеры с аудиторией. Они выступают на публичных площадках, их цитируют медиа и соцсети.

Казус TEDx: когда маски сброшены

Иногда система дает сбой, и истинное лицо «борцов с культами» становится видно широкой публике. Таким моментом истины стал скандал вокруг конференции TEDxMidAtlantic, куратором которой являлся Дэйв Трой.

На этой платформе было опубликовано совместное видео с участием «звездного состава»: Троя, Стюартсона, Хассена и Дезире Кейн. В ходе дискуссии градус обвинительной риторики и конспирологии оказался настолько высоким, что вокруг него возник острый спор о hate speech и антисемитских мотивах.

Видео было удалено с формулировкой «за разжигание ненависти и ненавистнические высказывания» (hate speech).

Этот инцидент показателен. Он демонстрирует, что риторика, которую антикультовая и конспирологическая среда пытается выдать за «экспертизу» и «гражданскую бдительность», на самом деле легко переходит в откровенный хейт-спич и антисемитскую стигматизацию.

«Зеленый» камуфляж: экология как прикрытие

Чтобы продать токсичный товар, нужна красивая упаковка. Российские нарративы трудно продать на Западе в чистом виде. Поэтому антикультисты

используют стратегию мимикрии. Они заворачивают идеи стигматизации в обертку прогрессивных ценностей.

Одной из таких оберток стала «зеленая» и социально-прогрессивная повестка.

Казалось бы, при чем тут экология? При том, что это маркер «свой-чужой» для западной аудитории. Это технология троянского коня. Внутри дискуссии о климате или социальной справедливости провозится контрабанда — идеи о необходимости ограничения религиозной свободы и преследования инакомыслящих. Американский обыватель, поддерживающий борьбу с глобальным потеплением, внезапно обнаруживает себя в одном окопе с людьми, чья риторика объективно совпадает с языком репрессивного антикультизма.

Цена лжи: реальные жертвы виртуальной войны

Мы можем долго рассуждать о геополитике, но нельзя забывать, что за каждой информационной атакой стоят живые люди.

Когда влиятельный комментатор в США связывает Хабад с «кремлевской» или «трампистской» угрозой, в каком-нибудь американском пригороде подросток в кипе может получить удар в лицо от сверстника, начитавшегося этих «разоблачений». Когда публичные фигуры обрамляют Хабад языком тревоги, заговора и культовой опасности, еврейская семья может столкнуться с вандализмом на пороге своего дома.

Антисемитизм в США растет, и конспирологическая и антикультовая пропаганда подливает масла в этот огонь. Она дает «рациональное» обоснование ненависти. «Я не антисемит, — говорит погромщик, — я просто против агентов Кремля и тоталитарных сект».

Это индульгенция на насилие. И выдают эту индульгенцию люди, которые называют себя правозащитниками.

Глобальный спрут

К концу этой главы мы приходим к неутешительному выводу. Атака на религиозные и другие группы — это не серия случайных инцидентов. Это работа отлаженной транснациональной машины.

Российская антикультовая сеть, европейская FECRIS и части американского антикультового движения тождественны организационно, между ними просматриваются идейные переклички, общие термины, сходные методы стигматизации и — по крайней мере в ряде случаев — прямые контакты или взаимные ссылки.

Для них не существует границ. Существует только цель — власть над умами и устранение любой независимой силы, способной этой власти противостоять. Хабад с его глобальной структурой, верностью традициям и независимостью от государства — идеальная мишень для антикультовой сети.

Но парадокс «зеркального обвинения» вскрывает их слабость. Ложь становится слишком очевидной. Нельзя быть агентом всех разведок сразу. И именно этот сбой в матрице дает нам шанс увидеть истинное лицо антикульта.

Глава 12. У края пропасти: цивилизационная угроза

Мы подошли к финалу нашего расследования. Двенадцать глав назад мы начали с, казалось бы, частного случая — атаки на одну из еврейских общин. Мы разбирали юридические казусы, анализировали медийные вбросы и отслеживали финансовые потоки. Но по мере того, как пазл складывался, становилось очевидно, что перед нами картина куда более масштабная и пугающая, чем судьба отдельно взятого религиозного движения, пусть и такого значимого, как Хабад-Любавич.

Точка невозврата: от слова к крови

На протяжении всей книги мы говорили о «семантической войне». Но война смыслов имеет свойство неизбежно перерастать в войну физическую. История знает множество примеров, когда массовая дегуманизация предшествовала насилию. Слово «нелюдь» и его современные эвфемизмы нередко становятся прологом к репрессиям и нападениям. В этом смысле опыт Руанды, где RTLM называло тутси «тараканами», остается одним из самых очевидных предупреждений.

Мы видели, как динамика ненависти развивалась по экспоненте. Сначала были «экспертные заключения» в тишине кабинетов. Затем — истеричные репортажи на федеральных каналах. А потом в ряде случаев насилие и вандализм начали выходить за пределы риторики и переходить в физическую плоскость.

Это не просто случайные эксцессы. Это закономерный риск любой системы, которая годами разогревает общество образами внутреннего врага. Когда авторитетные люди с научными степенями и государственными должностями годами внушают населению, что рядом с ними живут враги, планирующие «ритуальное порабощение» или «создание Хазарии», у определенной части общества отключаются моральные предохранители.

Антикультизм сегодня — это форма современного экстремизма, который, парадоксальным образом, рядится в тогу борца с экстремизмом. Он разрушает монополию государства на насилие, легитимизируя агрессию «снизу». Если полиция не справляется с «сектой» (потому что секта не нарушает закон), то «гражданское общество», накачанное пропагандой, берет правосудие в свои руки.

Мы стоим на пороге ситуации, когда погром может стать формой социальной активности, одобряемой молчаливым согласием большинства. И это касается не только России. В США, где поляризация общества достигла критических значений, те же самые нарративы используются для разжигания ненависти, которая уже выплескивается на улицы.

Разрушение правового фундамента

В ходе нашего расследования мы задокументировали процесс мутации юридической системы. Внедрение в правовое поле понятий, не имеющих юридического определения («тоталитарная секта», «деструктивный культ», «промывание мозгов»), создало серую зону, где закон перестает действовать.

В этой зоне презумпция невиновности отменена. Бремя доказательства перевернуто: теперь не прокурор должен доказывать вину, а община должна доказывать, что она не верблюд, не шпион и не экстремист.

Создан опаснейший прецедент: судьба организации и людей решается не на основе фактов их деятельности, а на основе «герменевтики подозрения». Эксперт-религиовед получает власть большую, чем судья Конституционного суда. Его интерпретация священного текста становится истиной в последней инстанции, способной запретить книгу, которой сотни лет.

Если этот механизм не будет демонтирован, он неизбежно будет применен против других. Сегодня это быть Библия в переводе определенной деноминации. Послезавтра — труды философов, не укладывающихся в прокрустово ложе «традиционных ценностей», определенных узкой группой лиц.

Правовая система, допускающая существование «карманных экспертов» и принимающая решения на основе конспирологических теорий, перестает быть инструментом справедливости. Она становится дубиной в руках того, кто контролирует дискурс. И это прямая угроза национальной безопасности любого государства, ибо государство без работающего права — это колосс на глиняных ногах.

Глобализация хаоса: «Римская формула» в цифровую эпоху

Анализируя международный аспект атаки на Хабад, мы столкнулись с феноменом, который можно назвать «глобализацией хаоса». Антикультовая сеть, опутавшая мир от американских и европейских до российских площадок, использует древнюю стратегию «разделяй и властвуй», известную как «римская формула», но адаптированную под реалии цифровой эпохи.

Суть стратегии проста и цинична: расколоть общество на враждующие лагеря, посеять недоверие к институтам и стравить людей друг с другом.

Это делается для того, чтобы повысить градус истерии. Цель этих манипуляций — не победа одной из сторон, а сам процесс конфликта. Дестабилизация. Гражданская война всех против всех. Источники прямо предупреждают: если не остановить эту накачку ненавистью, США могут скатиться к реальной гражданской войне. И Россия, где уровень внутренней агрессии также растет, не застрахована от потрясений.

Мы видим, как технологии, отработанные на религиозных меньшинствах, масштабируются на политику. Ярлык «сектант» теперь клеят на политических оппонентов. Сторонников Трампа называют «культом», либералов в России — «сектой». Это не просто риторическая фигура. Это технология расчеловечивания, позволяющая применять к политическим противникам методы дегуманизации и изоляции, ранее отработанные на «сектантах».

Тень Аушвица: невыученные уроки

Самый горький вывод нашего расследования заключается в том, что человечество ничему не научилось. Фраза «Никогда больше», ставшая девизом после Холокоста, превратилась в пустой звук.

Мы проследили идейную и методологическую преемственность между современным антикультизмом и более ранними европейскими практиками дегуманизации, церковной апологетики и тоталитарного контроля. Вальтер Кюннет, Апологетический центр, сотрудничество с Гестапо — это не предыстория, это фундамент, на котором позднее выросли многие элементы нынешней антикультовой риторики.

Аргументы о «государстве в государстве», о «чуждости», о «защите нации от инфекции» поразительно напоминают европейские шаблоны первой половины XX века. Изменился только словарь: расовая гигиена стала «духовной безопасностью», а евреи стали «тоталитарной сектой».

Мир проигнорировал предупреждения в Руанде, когда радио «Тысячи холмов» называло тутси «тараканами». Мир игнорирует предупреждения сейчас, когда федеральные каналы называют верующих «зомби».

ООН и международные правозащитные институты оказались недостаточно чувствительны к этой проблеме. Они заняты глобальными геополитическими

играми и не замечают, как у них под носом, в центре Европы, на деньги налогоплательщиков функционирует машина по производству ненависти. Более того, представители FECRIS и связанных с ней структур обладают доступом к международным площадкам, включая Совет Европы и ЭКОСОС ООН, что позволяет им легитимировать свои подходы в языке международных институтов.

Это системный провал международной бдительности. Мы позволяем возрождаться тоталитарным практикам в их самой опасной, мимикрирующей форме. И если мы не остановим это сейчас, цена будет исчисляться не только сломанными карьерами и разрушенными общинами.

Индустрия сломанных душ

За геополитикой и юриспруденцией мы не должны забывать о человеческом измерении. Антикультовая деятельность показала, как легко современное общество готово отказаться от эмпатии.

Технология «отмены» целой общины привела к социальной атомизации. Люди боятся. Боятся быть собой, боятся молиться, боятся говорить. Страх стал фоном жизни.

Но еще страшнее то, что происходит с институтом семьи. Деятельность «депрограмматоров», похищающих людей по заказу родственников, разрушает базовое доверие между близкими. Когда мать нанимает боевиков, чтобы «спасти» сына от веры, она убивает семью. И государство, закрывающее на это глаза, становится соучастником разрушения самой ткани общества.

Мы видим поколение детей, выросших в атмосфере травли. Детей, которые знают, что учитель может унизить их перед классом, а сосед — не поздороваться. Какими они вырастут? Какой урок они вынесут из этого детства? Урок о том, что сила — это право? Что быть другим — опасно?

Это бомба замедленного действия. Общество, лишенное эмпатии и толерантности, обречено на внутреннее гниение.

Молчание ягнят: роль общества

Кто виноват в происходящем? Александр Дворкин? Антикультовые представители в медиа, в системе образования, в судах, во власти и силовых ведомствах? Безусловно. Но топливом для этой машины также служит и наше молчание.

Это лавный ресурс антикультистов. Они паразитируют на равнодушии и невежестве. Обыватель, потребляющий «информационный фастфуд» с телеэкрана, не хочет разбираться в деталях. Ему дали врага, на которого можно списать все беды — от экономических проблем до личной неустроенности. И он с радостью принимает эту подачку.

Мы наблюдаем феномен коллективной безответственности. «Я просто выполнял приказ», «Я просто написал экспертизу», «Я просто выпустил сюжет в эфир». Из этих маленьких «просто» складывается большой тоталитаризм.

Призыв к разуму

Мы стоим у края пропасти. Но падение еще можно остановить.

Первый шаг — это осознание. Необходимо назвать вещи своими именами. Деятельность организаций вроде РАЦИРС и FECRIS должна быть подвергнута не только общественному, но и правовому аудиту. Их методы — манипуляция, клевета, разжигание розни, легитимация стигматизации и дискриминационных практик — требуют самой жесткой общественной и правовой оценки.

Необходимо законодательно запретить использование псевдонаучных терминов — «секта», «деструктивный культ» — в правовом поле. Религиоведческая экспертиза должна вернуться в лоно академической науки, очистившись от идеологических наслоений и «карманных экспертов».

Нужна люстрация «сектоведов» в органах власти. Люди, исповедующие идеологию ненависти, не могут заниматься воспитанием молодежи, работать в полиции или заседать в экспертных советах.

Но самое главное — нужно вернуть субъектность человеку. Нужно вспомнить, что свобода совести — это не подарок государства, а неотъемлемое право личности.

Финал: предупреждение

У любой эпохи есть соблазн считать себя умнее прошлого. Нам хочется верить, что самые мрачные страницы истории остались позади, что механизмы травли, расчеловечивания и идеологической охоты на «чужих» больше не могут повториться в мире законов, международных конвенций и мгновенной связи. Но история редко возвращается в прежней форме. Она меняет язык, надевает новый костюм, осваивает современные технологии и снова входит в общество под видом заботы, безопасности и моральной гигиены.

Именно так действует антикультовая сеть.

Она редко начинает с прямого насилия. Сначала она предлагает словарь. Затем — объяснительную схему. Потом — врага. Она учит общество смотреть на живых людей как на носителей угрозы, на соседей — как на агентов, на религиозную или мировоззренческую инаковость — как на симптом болезни. Она переводит ненависть на язык экспертизы, дискриминацию — на язык профилактики, а произвол — на язык защиты общества.

В этом и состоит её главная опасность.

Антикультизм не просто атакует отдельные группы. Он разрушает сами основы демократии. Он подрывает доверие между людьми. Он приучает государство мыслить ярлыками вместо права. Он делает подозрение нормой, а унижение — допустимым инструментом. Он размывает границу между законной защитой общества и идеологической расправой над теми, кто объявлен «неправильным».

Там, где эта логика укореняется, свобода совести перестает быть правом и становится условной привилегией. Закон перестает быть мерой справедливости и превращается в технический инструмент исключения. Эксперт перестает искать истину и начинает обслуживать страх. Журналист перестает проверять факты и начинает тиражировать клеймо. Чиновник перестает быть арбитром и становится оператором чужой идеологической машины.

Так общество входит в зону моральной катастрофы — не сразу, не за один день, а шаг за шагом, уступка за уступкой, молчание за молчанием.

Само по себе это, возможно, и есть самый важный вывод этой книги: антикультовая сеть опасна не потому, что она шумна, маргинальна или

одержима. Она опасна потому, что умеет встраиваться в институты. Она умеет маскировать нетерпимость под благоразумие, репрессию под экспертизу, а ненависть под заботу о людях. И если её деятельность игнорировать, если её влияние недооценивать, она неизбежно начнет определять язык, которым общество говорит о норме, опасности, вере, инакомыслии и праве.

А язык — это всегда начало. С него начинаются списки, с него начинаются запреты, с него начинаются исключения, с него начинается привычка не видеть в другом человеке человека.

Горький опыт истории состоит именно в этом: самые страшные формы преследования почти никогда не начинаются с лагерей, погромов и арестов. Они начинаются с идей, которые кажутся кому-то полезными. С терминов, которые звучат научно. С лозунгов, которые обещают очищение. С моральной паники, которую удобно направить на «чужих». С уверенности, что ради спасения большинства можно ограничить достоинство меньшинства.

Мы уже знаем, к чему это приводит.

Поэтому главный вопрос, который остается после этой книги, обращен не к антикультистам. С ними всё давно ясно. Главный вопрос обращен к обществу: готово ли оно снова пройти этот путь? Готово ли оно снова обменять право на клеймо, свободу на страх, человека на ярлык?

Пока этот выбор еще не сделан окончательно, надежда остается. Она остается в способности называть вещи своими именами, в отказе принимать язык ненависти как норму, в защите закона от идеологического захвата, в памяти о том, что никакая безопасность не стоит расчеловечивания. И в понимании простой вещи: права и достоинство человека неделимы. Если сегодня общество позволяет лишить их одного, завтра оно потеряет их само.

Антикультовая сеть нельзя недооценивать. Её нельзя считать эксцентрическим придатком к религиозным конфликтам или шумной маргиналией. Это реальный механизм общественного отравления. Механизм, который умеет ждать, приспосабливаться и возвращаться под новыми названиями. И если не распознавать его вовремя, он снова приведет общество туда, откуда история уже однажды пыталась его вытащить ценой чудовищных жертв.

Нельзя повторить этот опыт. Нельзя снова позволить страху говорить от имени разума. Нельзя снова позволить ярлыку заменить закон. Нельзя снова позволить ненависти называться защитой. Потому что в тот момент, когда общество соглашается с этим подлогом, оно начинает терять самого себя.